

Юлия Монакова

Три девицы под окном

Юлия Монакова

Три девицы под окном

«Издательские решения»

Монакова Ю.

Три девицы под окном / Ю. Монакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934331-4

Непохожие друг на друга как внешне, так и по характерам, они вместе с детства. Взбалмошная фантазёрка и красотка Ася, дочь знаменитого телеведущего; справедливая и добрая Рита, брошенная богемной кукушкой-матерью и воспитанная бабкой с дедом; «книжная девочка» Нелька, привыкшая считать себя гадким утёнком... Лучшие подруги идут по жизни с переменным успехом: находя и теряя, разочаровываясь и радуясь, плача и смеясь, влюбляясь и ревнуя, приобретая новый опыт и переживая огонь, воду и медные трубы.

ISBN 978-5-44-934331-4

© Монакова Ю.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Часть 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Три девицы под окном

Юлия Владимировна Монакова

© Юлия Владимировна Монакова, 2018

ISBN 978-5-4493-4331-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все персонажи и события вымышлены, а любые совпадения – просто случайность, за которую автор ответственности не несёт.

Пролог

– Да постой же, подожди! Давай поговорим!..

Спотыкаясь на бегу, Нелька следовала за ним по пятам, словно собачонка за хозяином. Почему-то весь вечер в голове занозой сидела фраза из фильма «Москва слезам не верит»: да какая гордость, я за ним хоть на край света...

Впрочем, ей действительно было плевать на гордость. Её даже не заботило, что эта бурная сцена может привлечь нездоровое внимание общественности. Хотя прохожих поблизости и так не наблюдалось – поздний час, будний день. Нормальные люди в это время суток не шляют по подворотням, а давно уже видят десятый сон в тёплой уютной постели, потому что завтра рано вставать на работу...

– Неля, я сказал тебе – прекрати, не лезь не в своё дело! Возвращайся сейчас же домой! – с яростью и болью бросил он в ответ, даже не обернувшись. Да ему и не надо было оборачиваться – она могла мысленно воспроизвести выражение его лица до мельчайшей чёрточки: потемневшие непроницаемые глаза, вскинутый подбородок, упрямо сжатые губы, которые – она знает! – могут целовать так нежно и так сладко...

Нелька остановилась в полном отчаянии и, прекрасно осознавая, как жалко сейчас выглядит, всё-таки предприняла последнюю попытку.

– Я не могу оставить тебя в таком состоянии! – выкрикнула она ему в спину, умоляюще сложив руки. – Я ведь всё понимаю и про тебя, и про Асю, и про то, что ты сейчас чувствуешь. Пожалуйста... просто поговори со мной!

– Нам не о чем разговаривать, – глухо отозвался он через плечо. – Сколько можно повторять, ступай домой и ложись спать! А со своими проблемами и чувствами, в том числе и по отношению к Асе, поверь, я как-нибудь сумею разобраться самостоятельно.

Она осталась стоять на месте, смотря ему вслед, но не осмеливаясь больше докучать. Дистанция между ними стремительно увеличивалась. Наконец, когда он скрылся за углом, Нелька громко и беспомощно всхлинула, признавая собственное поражение, вжала голову в плечи и медленно поплелась обратно. Всё рухнуло. Жизнь покатила ко всем чертям...

Чей-то тёмный силуэт метнулся к ней от подъезда. Нелька была так поглощена собственными невесёлыми думами, что даже не почувствовала опасности, просто не успев испугаться. Между тем, фигура незнакомца оказалась совсем рядом. Нелька внезапно ощутила тяжёлое взволнованное дыхание практически на своём лице и, инстинктивно взвизгнув, отшатнулась.

Что-то с силой сжало ей шею тугим опоясывающим кольцом. Нелька попыталась охнуть, но поняла, что не в силах сделать ни вдоха, ни выдоха. Она захрипела, забилась, стараясь высвободиться из удушающей петли, но в ужасе поняла, что совершенно бессильна. В глазах у неё потемнело от боли и шока. Грудь буквально разрывалась от невозможности вздохнуть, шея горела огнём, а в ушах нарастал какой-то потусторонний гул.

«Меня что, убили?» – обречённо успела подумать Нелька перед тем, как погрузиться в абсолютную, полную, беспросветную тьму...

Часть 1

*Я их не помню. Я не помню рук,
которые с меня срывали платья.
А платья – помню. Помню, скольких мук
мне стоили забытые объятия,
как не пускала мама, как дитя
трагически глядело из манежа,
как падала, набойками частя,
в объятия вечера, и был он свежее-
заваренным настоем из дождя
вчерашнего и липовых липучек,
которые пятнали, не щадя,
наряд парадный, сексапильный, лучший,
и ту скамью, где, истово скребя
ошмётки краски, мокрая, шальная
я говорила: «Я люблю тебя».
Кому – не помню. Для чего – не знаю...
(Вера Павлова)*

Асю ненавидели девушки и жёны всех её бывших парней.

Список «эксов» был довольно внушителен, и каждый нечастный нет-нет, да и поминал Асю добрым (или не очень) словом. Их нынешние подруги нервничали, грызли ногти и почему-то не чувствовали почвы под ногами, когда Ася вдруг снова возникала на горизонте. А она, внутренним чутьём угадывая исходящий от девиц негатив, не могла удержаться от невинного, на её взгляд, троллинга, будто бы ненароком стараясь поддеть их.

– А помнишь, мы с тобой в лесу заблудились... – устремляя на бывшего влажный взгляд из-под ресниц, мечтательно произносила Ася и так многозначительно замолкала на середине фразы, что у несчастного непроизвольно возникала эрекция, а его спутница, прекрасно понимая всю подноготную этого «заблудились» и воображая, чем они там в лесу занимались, испепеляла Асю ревнивым взглядом. Та же улавливала её гневные импульсы и откровенно забавлялась, наслаждаясь неловкой ситуацией и своей властью над обоими.

– Зачем ты это делаешь? – как-то раз спросила её Рита. – Не пофиг ли, с кем они сейчас? Были бы счастливы...

– Не могу видеть их такими благостными, сытыми и довольными, – посмеивалась Ася. – А как же кипение страстей? Где любовь на разрыв, где буря и ярость?..

Если бы Рита не знала Асю с детских лет как облупленную, то подумала бы, что подруга просто завидует. Но это было не так.

Первой из них замуж выскочила Рита. Её избранником стал педагог по вокалу – она заканчивала тогда четвёртый курс питерского института культуры. Откровенно говоря, подруги диву давались: что молодая и свежая Рита нашла в этом стареющем, лысеющем мужике весьма потрёпанного вида? Но как сияли её глаза! С каким вдохновением она рассказывала о его необыкновенном таланте! А ещё – подумать только – он сочинил для неё песню, это так романтично!..

Ася просидела в девках аж до двадцати восьми лет. Однако никому даже в голову не приходило упрекать её в том, что она не замужем – с такой-то красотой!... Все прекрасно знали,

что она просто выбирает наилучший вариант из многочисленных кавалеров, и имеет на это полное право.

А вот Нелька такого права не имела и должна была, по мнению соседских кумушек и сплетниц, брать то, что дают. Правда, ничего и не давали... С самого детства она выглядела безликой унылой тенью на фоне более ярких подружек. Серой мышкой. Синим чулком. Гадким утёнком, который почему-то так и не превратился в лебедя, когда вырос. Дурнушкой Бетти... или какие там ещё бывают эпитеты, с упоением мазохиста мрачно размышляла Нелька.

Наибольшим унижением для неё были школьные дискотеки. Она на всю жизнь запомнила осенний бал в восьмом классе – тот самый момент, когда в бурный ритм модных эстрадных хитов непрошеным гостем вторгся «медляк». Девчонки-одноклассницы с преувеличенно равнодушными лицами разбрелись по углам актового зала в ожидании приглашения на танец. Многим повезло – их перехватили ещё по дороге; и вот они уже топчутся парами, обнявшись, на небольших пятачках танцевального пространства, словно им тесно в огромном зале и требуется прижаться друг к другу как можно ближе...

Остальные девочки подпирали стены и старательно делали вид, что их это ни капли не волнует. На самом-то деле, в глубине души каждая мечтала о том, чтобы её пригласили – хоть кто-нибудь, пусть даже последний ботан и очкарик, плевать! На дискотеках котировались любые кавалеры, количество становилось важнее качества, повышая престиж девчонки в глазах её подруг. Кого чаще всего приглашают – та и счастливица, та и красавица, та и королева!

Нелька тёрлась у стеночки вместе с толстухой Жанкой Самойловой и строила независимую физиономию – чтобы никто не догадался, как ей хочется хоть раз в жизни станцевать настоящий медленный танец. Каково это – положить руки на плечи мальчику? Смотреть на него снизу вверх? Покачиваться в танце и загадочно улыбаться его шуткам и комплиментам? Ей почти пятнадцать лет, а они никогда этого прежде не испытывала...

Тут она заметила, что в их с Жанкой сторону направляется Ренат Батрутдинов. Он учился в параллельном классе и слыл сердцеедом. Раньше Нелька не думала о нём всерьёз, как о потенциальном кавалере, но сама мысль о том, что он может сейчас её пригласить, заставила девочку вспыхнуть от волнения и удовольствия. Медляк с Батрутдиновым?! Да все просто умрут от зависти...

Ренат приблизился к ним почти вплотную и остановился. Нелькино сердце бешено колотилось о грудную клетку. Самойлова тоже приосанилась и даже втянула живот – глупышка восприняла явление Рената на свой счёт.

И тут Батрутдинов открыл рот и громко – ужасно громко, Нельке со страху показалось, что его слова разнеслись по всему залу – сказал, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Да ну, здесь ни одной нормальной девки уже не осталось!

После чего круто развернулся и зашагал прочь – в ту сторону, где группировались стайками другие, очевидно, более «нормальные девки».

Жанка Самойлова крякнула и как-то сразу опала, будто прокисшее дрожжевое тесто. Нелька же, не думая больше о гордости и о том, как она выглядит со стороны, опрометью бросилась вон из актового зала – подальше от этой дискотеки, стыда, унижений и проклятого Батрутдинова.

Свадьба Аси была самой странной и безумной из всех, на которых Рите и Нельке доводилось когда-либо присутствовать.

Впрочем, Ася с детства отличалась оригинальностью и экстравагантными выходками из серии «она всех вечно удивляла – такая уж она была». Однако подруги даже приблизительно не представляли себе, что их ожидает на этом бракосочетании.

Решено было играть свадьбу не в родной Москве, а в Смоленске – по той простой причине, что будущий Асин муж уже целых два месяца находился там на раскопках вместе со своей группой. Невеста предупредила, что археологи – народ довольно специфический, однако Рита с Нелькой в глубине души всё-таки ожидали более адекватного и культурного зрелища. Видимо, сказывались советские стереотипы: в кинофильмах прошлых лет все археологи поголовно изображались интеллигентными и тихими дяденьками в очочках, этакими ботанами, искренне и самозабвенно влюблёнными в свою работу.

К загсу подруги подъехали чуть раньше жениха – тот должен был явиться прямо с археологической базы. Ася нервничала, как полагается нервничать невесте, выкурила несколько сигарет и даже пару раз обежала трусой вокруг здания, чтобы немного успокоиться. Рита и Нелька переговаривались вполголоса, лениво наблюдая за посторонними брачующимися – они сменяли друг друга так же быстро, как стёклышки в калейдоскопе. Удивительно, но все невесты казались им на одно лицо – во всяком случае, фасоны их свадебных платьев и причёсок мало отличались друг от друга.

Наконец, явился Сергей вместе со своей группой поддержки.

Ботаны в очочках? Ха!!! Эта компания представляла собой, преимущественно, толпу здоровенных загорелых людей в шортах и майках, с татуировками, дремучими бородами, зелёными волосами и дредами – в общем, вид у них был совершенно дикий. Имелось также несколько девиц, хотя представительницы прекрасного пола едва ли выглядели цивилизованнее своих коллег-мужчин: складывалось впечатление, что все они буквально пять минут назад побросали свои лопаты на раскопках и приехали сюда в чём были, даже не умывшись.

Асин Сергей, к счастью, смотрелся на их фоне более-менее прилично: он был одет в коричневые джинсы, белую рубашку и оранжевую бабочку. Впрочем, и сама Ася не выглядела классической невестой: простое и лёгкое летнее платье, а на голове – венок из полевых цветов, которым её торжественно короновали девушки-археологи. Однако она была так прекрасна, что могла даже просто завернуться в холщовую дерюжку – и всё равно победила бы на любом конкурсе красоты.

Археологи кучковались на крыльце и потягивали что-то крепкое из фляжечки, не дожидаясь официальной регистрации. Констатируя полный сбор, Сергей объявил, что можно направляться внутрь.

– По-моему, – шепнула Рита Нельке, поднимаясь по лестнице и ловя недоумённые взгляды работников загса, – они стремительно седеют от одного только нашего вида...

Впрочем, сама церемония прошла довольно мило.

– С этого дня вы пойдёте по жизни рука об руку, вместе переживая и радость счастливых дней, и огорчения, – с заученным до автоматизма пафосом громко вещала тётка-регистраторша, сияя дежурной улыбкой. – Создавая семью, вы добровольно приняли на себя великий долг друг перед другом и перед будущим ваших детей...

Молодые переглядывались и прыскали в кулачок, словно всё происходящее их ужасно забавляло, заставляя тётку немного нервничать и сбиваться с накатанной дорожки вызубренного за годы работы типового текста.

– Перед началом регистрации прошу вас ещё раз подтвердить, является ли ваше решение стать супругами и создать семью искренним, взаимным и свободным. Прошу ответить вас, невеста!

– Да, – кокетливо произнесла Ася и потупила взор, трепеща ресницами.

– Прошу ответить вас, жених!

– Меня заставили! – не моргнув глазом, отозвался Сергей, и тут же получил весьма болезненный тычок локтем от возлюбленной за свою неуместную шутку.

У тётки случился абсанс: она зависла и перезагружалась около минуты, пока все археологи громкогласно ржали и показывали Сергею большой палец.

– Да-да, я согласен! – поспешил разругать неловкую ситуацию жених. Тётка более-менее отошла от шока и продолжила зачитывать свой напыщенный текст.

– ...Объявляю вас мужем и женой! Ваш брак законный. Поздравьте друг друга!

Ася кинулась к Сергею на широкую богатырскую грудь и пронзительно завизжала от восторга, поджав ноги и качаясь на могучей шее новоиспечённого супруга, как обезьянка на пальме. Работники загса, привыкшие к слезам умиления нежных ангелоподобных невест в платьях-тортах, выглядели явно растерянными.

– Вэтторжествендень! Вэспришпоздра! Самблизкидоргиелюди! – уже стремительно закругляла свою речь тётка, опасаясь, как бы эти странные новобрачные ещё чего-нибудь не отчебучили. – Доргиегости! Пжалста! Прсоединияськнашпздравлениям! – и, дотараторив текст до финального восклицательного знака, она с некоторым испугом взглянула на толпу друзей молодожёнов, догадываясь, что они запросто могут разнести зал к чертям собачьим.

– Ура-а-а!!! Тетерины, поздравляем!!! – нестройным хором завопили археологи. Вообще-то, Ася решила оставить свою девичью фамилию, но группа поддержки жениха упорно игнорировала сей факт, называя молодых исключительно Тетериными.

– В дё-сны! В дё-сны!!! – принялась радостно скандировать толпа этих варваров вместо традиционного «горько», когда жених собрался целовать невесту. Работники загса засуетились и стали быстренько выпроваживать гостей на улицу, где они должны были встретить молодых живым коридором.

– Уф, по-моему, обошлись малой кровью, – шепнула Рита Нельке, облегчённо выдохнув. – Слава богу...

И ведь сглазила!

Поначалу ничто не предвещало беды. Все выстроились в два ряда возле парадной лестницы в ожидании Аси с Сергеем. Наконец, в дверях появились сияющие новобрачные. Девушки начали бросать в них рисом, а парни... парни достали невесту откуда взявшиеся фаеры.

Это было похоже на ночной кошмар. Или на индийские праздники Холи и Дивали одновременно – Нелька видела их по телевизору. Всё пространство вокруг загса моментально погрузилось в едкий цветной дым, а археологи размахивали этими горящими хреновинами над головами и орали:

– ТЕ-ТЕ-РИ-НЫ!!! ПА!.. ЗДРА!.. ВЛЯ!.. ЕМ!..

Не только работники загса – Нелька с Ритой тоже впали в оторопь. А к их развесёлой толпе уже рысью мчался ошалевший охранник.

– Взгляни только на его рожу, – заметила одна из девиц-археологинь, хохоча и подталкивая своим нехрупким плечиком Риту, словно приглашая разделить с ней веселье. – Похоже, он реально обосрался!

– Честно говоря, мы тоже испугались, – в трансе отозвалась та, покрепче сжав руку не менее перепуганной Нельки. – А вдруг кусты загорятся?

К счастью, обошлось без пожара. Фаеры были благополучно затушены, и бледный охранник трясущимися руками накрепко закрыл за ними ворота в загс. «Надеюсь, вы никогда сюда больше не вернётесь!» – читалось в его глазах.

Вся компания дружно двинулась в Гнёздово, на археологическую базу, где и должна была состояться грандиозная праздничная гулянка.

Их свадебный кортеж явно поражал сознание смолян, мирно направляющихся в полдень по своим делам: проезжая через мост, молодожёны под одобрительные вопли и сумасшедший свист своих друзей высунулись из люка в крыше машины и принялись размахивать вновь зажжёнными фаерами.

...А затем была бешеная попойка.

– Следовало, конечно, и раньше догадаться, что люди, которые пьют литрами всё, что горит, и месяцами живут в поле, моясь в Днепре, не сильно привередливы в еде и алкоголе, – заметила Рита, не без сочувствия разглядывая растерянное Нелькино лицо.

– Не сильно привередливы – это ещё мягко сказано, – вздохнула подруга.

Девушки напрасно рассчитывали на вкусный шашлык и лёгкий алкоголь. Да, выпивки было много, даже очень много. Но ни вина, ни шампанского – только водка не самого хорошего качества. Что касается шашлыка, то он тоже был отвратителен: никто не додумался замариновать мясо, и его просто пожарили, из-за чего оно стало сухим, жёстким и абсолютно несъедобным. Впрочем, сами археологи наворачивали за обе щёки. Надо думать, после опостылевших макарон с тушёной, полевой каши и печёной картошки свадебное угощение казалось им настоящим лакомством.

– «По-моему, вы слишком много кушает...» – задумчиво жуя чёрный хлеб и закусывая его свежим огурчиком, процитировала Нелька фразу из фильма «Ширли-мырли».

– В каком смысле? – не поняла Рита.

– В смысле зажались, – Нелька усмехнулась.

– Ладно, – Рита обречённо махнула рукой, – как-нибудь перетерпим. В конце концов, это же не наш день. Главное – чтобы Аське было хорошо...

А подруга, похоже, и вправду была счастлива. Во всяком случае, она веселилась и пила наравне с мужиками – сказывался журналистский опыт. В редакции, где она работала, распитие алкогольных напитков являлось едва ли не частью профессиональных навыков.

Остальной народ тоже развлекался на полную катушку: были и фейерверки, которыми чуть не спалили поле, и оригинальный подарок молодожёнам – доска, якобы найденная на раскопках, с вечной надписью из трёх букв.

– Но я, конечно, в шоке от того, сколько они пьют, – Нелька поёжилась. – Ты видела, а? Водку прямо из горла...

– При этом, заметь, практически через одного – доктора или кандидаты наук, – засмеялась Рита.

– Да я вижу, что люди реально умные... Но всё-таки, какие-то фрики.

– Кстати, Ася говорила, что большинство из них – парни холостые, – вспомнила вдруг Рита. – Смотри, Нельсон... А вдруг кто-нибудь из них – твоя судьба?

От этой невинной шутки Нелька расстроилась почти до слёз. Рита и подумать не могла, что подруга так оскорбится.

– Ну прости, – она неуклюже попыталась загладить свою оплошность. – Я же не имела в виду ничего плохого...

– От тебя, Рит, такой пошлости не ожидала, – Нелька обиженно шмыгнула носом. – Ну ладно там, тётушки-бабушки со своим вечным вопросом: «Когда замуж тебя будем отдавать, Нелечка?» Но ты-то!.. Моя лучшая подруга с детства!..

Рита и сама уже поняла, что ляпнула дикую бестактность. Все эти шуточки-подколки на тему «когда замуж» были для Нельки, словно нож в сердце...

Нет, она не была уродиной. Рыжие волосы и веснушки, при желании, могли стать её изюминкой, фирменным стилем, но Нелька так и не смогла перерасти свои комплексы – её задразнили в детстве. Даже повзрослев, она двигалась неуклюже и угловато: сутулилась, словно пытаясь стать незаметной, смущённо отводила глаза, встречаясь с кем-нибудь взглядом, будто извинялась за сам факт своего существования.

Как же она завидовала своим подругам! Ну ладно, Асе – та была признанной красавицей двора и школы. Но даже Рита казалась ей недостижимым идеалом.

– Подумаешь, нашла красоток, тоже мне! – отмахивалась мама равнодушно-насмешливо. – Аська дылда белобрысая, а Ритка – чёрная, как цыганка. Ты куда милее и симпатичнее!

Но Нелька не верила ей ни секунды.

Она терпеть не могла весну и вообще солнечную погоду – тогда все миллиарды её веснушек словно оживали, просыпаясь и сияя победной россыпью. Девочка часами простаивала перед зеркалом, рассматривая ненавистные веснушки: они были всюду – на лице, на шее, даже на плечах... Нелька яростно намыливала мочалку и тёрла, тёрла, тёрла кожу чуть ли до крови, словно веснушки можно было смыть, вывести, как пятна на одежде. Она даже пыталась втирать в лицо стиральный порошок с отбеливающим эффектом. Но ничего не помогало.

Единственным человеком на всём белом свете, который называл её не «конопатой», а «огоньком», «рыжиком» или даже «солнышком», был Димка Лосев. Дима. Димочка...

НЕЛЬКА

Она прекрасно помнила то утро, когда Дима впервые появился у них во дворе.

Стоял август девяносто четвёртого, летние каникулы подходили к концу, и перед началом очередного унылого учебного года настроение потихоньку портилось. Ещё было тепло и солнечно, но в воздухе уже угадывались приметы приближающейся ранней осени, ощущался её пряный терпкий запах. На днях предстоял поход в магазин за канцтоварами – нужно было закупить тетрадок, ручек и карандашей, ну и вообще основательно подготовиться к учёбе. Нелька оттягивала этот момент, как могла – ведь он символизировал окончательную капитуляцию свободы перед школьной неволей.

После завтрака Нелька вышла во двор и уселась на скамейку с книжкой, изнемогая от скуки и одиночества без своих закадычных подружек. Ася отдыхала в Сочи с родителями, а Рита целыми днями пропадала на даче, или, как было модно говорить в те годы, «на фазенде» – люди поголовно сошли с ума после показа многосерийной бразильской телевизионной мелодрамы «Рабыня Изаура».

На фазенду, впрочем, этот садово-огородный участок в шесть соток, принадлежащий Ритиным бабушке и дедушке, походил весьма приблизительно, но вкалывали они там, по признанию девочки, и впрямь как рабы на плантациях. Рите и летние каникулы были не в радость: её то заставляли выпалывать сорняки, то посылали собирать урожай ягод и фруктов, то призывали на помощь в выкапывании картошки... Нелька сочувствовала подружке и даже пару раз вызывалась поехать на дачу вместе с ней. Вдвоём работать было всё-таки веселее, да и дело быстрее спорилось. Но слишком часто на дачу Нельку не отпускали родители – она была изнеженной, тепличной и книжной девочкой.

Нелька без энтузиазма уткнулась в «Вечера на хуторе близ Диканьки». Сама по себе книга была вроде бы интересной, но входила в список школьной литературы, обязательной к прочтению, и поэтому не вызывала ничего, кроме отчаянной зевоты. Нелька накрепко увязла в первом абзаце, смысл которого коварно ускользал от её лениво-рассеянного внимания.

«...Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой, неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих!»

Нелька с трудом продиралась сквозь частокол гоголевских метафор и эпитетов, как медведь через бурелом – интересно, зловредный классик специально так накрутил-наворотил?

«...Всё как будто умерло; вверх только, в небесной глубине дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюблённую землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие тёмную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщет золото».

Сердась на себя за то, что ей скучно и непонятно, и на автора – за то, что так заковыристо и запутанно написал, Нелька произвольно хмурилась и гневно сопела.

«Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшись от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало – река в зелёных, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!..»

Мог ли подумать Гоголь, размышляла Нелька, что этим нудным текстом спустя много лет станут истязать школьников? Образ великого русского писателя постепенно приобретал в её богатом воображении всё более противные и ехидные черты. Она его уже практически ненавидела.

– Это произведение надо читать в соответствующей обстановке, – раздался вдруг над ней насмешливый голос. Девочка вздрогнула и подняла глаза. Напротив стоял незнакомый мальчишка, с виду постарше её на пару лет, и вполне доброжелательно заглядывал в книгу.

– В какой-какой обстановке? – переспросила она настороженно.

– В мрачной. Чтобы жутко стало, чтоб аж мурашки бегали во время чтения! – весело пояснил мальчишка. Он был очень симпатичный – это Нелька, не избалованная вниманием противоположного пола, отметила сразу. Не так уж часто незнакомые пацаны с ней заговаривали. Высокий, стройный, темноволосый, с умными ясными глазами и обаятельной улыбкой – с ума сойти...

– Почему это? – заинтересовалась Нелька.

– Ну, «Вечера на хуторе близ Диканьки» – это же всё равно, что страшилки или ужастики. Типа «Кошмара на улице Вязов», только с нашим колоритом. Попробуй почитать, к примеру, ночью – но не при электрическом освещении, а при пламени свечи. А ещё поставь рядом с собой зеркало... Уверяю, волосы на голове дыбом встанут – так проникнешься!

– Я попробую... – протянула она неуверенно, прекрасно зная, что ни мама, ни бабушка не позволят ей заниматься подобными глупостями. А жаль – ей бы хотелось пощекотать себе нервишки! Кто знает, может, это и впрямь смягчило бы её сердце по отношению к проклятому Гоголю.

– Ты здесь живёшь, рыжик? – спросил он. В его устах это прозвучало совсем не обидно – наоборот, тепло и даже ласково. Поэтому Нелька с готовностью кивнула.

– Да, а ты? Я тебя никогда тут раньше не видела...

– А мы только сегодня утром переехали, – пояснил он, помахивая полиэтиленовым пакетом. – Так что соседями будем. Слушай, не подскажешь, где тут у вас поблизости продуктовый магазин? Я пока не очень на новой местности ориентируюсь, а родители послали за молоком и хлебом.

– Булочная – вон там, – она неопределённо махнула рукой, – а молочный магазин в другой стороне, но тоже рядом. Могу показать! – она захлопнула книгу и с готовностью соскочила со скамейки.

– О, было бы классно! – обрадовался мальчишка. – Меня, кстати, Дима зовут.

– А я – Неля.

– Ух ты, здорово. Красивое имя! – запросто сказал он, как само собой разумеющееся, ни капли не смущаясь, а вот Нелька от его слов вспыхнула заревом.

Она показала Диме все окрестные магазины и даже отстояла с ним довольно длинную очередь за горячим хлебом. Он купил также кулёк сухешек и угостил ими Нельку – по дороге домой они весело грызли эти сухешки, болтая о том, о сём.

– Ну ладно, пока. Спасибо тебе большое, увидимся! – он махнул рукой напоследок и скрылся в соседнем подъезде. Нелька осталась стоять на месте, глядя ему вслед и глупо

улыбаясь до ушей, жалея о том, что не спросила, когда они теперь встретятся. Она ведь даже не знала номера квартиры, в которую Дима переехал!

Девочка весь день проторчала во дворе, надеясь, что новый сосед опять появится, но безрезультатно. Когда с дачи вернулась Рита, подруга не стала рассказывать ей о своём новом знакомом. Хотелось ещё немного побыть счастливой одиноличницей...

Следующая встреча состоялась накануне первого сентября.

Нелька совсем извелась за это время: Дима вообще не показывался во дворе, в котором она сама торчала практически безвылазно. Очевидно, сосед был занят обустройством нового жилища вместе с родителями.

В последний день каникул девочка, скучающая дома одна, услышала звонок в дверь. Она выскочила в прихожую, надеясь, что пришла Рита, которая могла бы скрасить её одиночество. Однако за дверью стоял Димка. Он был даже ещё более красивым, чем она помнила!

– О, привет, – удивился он при её виде, – это ты?

Нелька растерялась. Вопрос, что и говорить, был странным – если учесть, что Дима сам явился к ним домой. Но он тут же пояснил:

– Я не знал, что ты здесь живёшь. Мне просто нужна была эта квартира.

– В каком смысле? – стараясь не выдать своей сумасшедшей радости и подрагивающих от волнения коленок, поинтересовалась Нелька ликующим голосом.

– Ну, если точнее – мне необходим ваш балкон, – несколько смущённо признался он. – Могу я им воспользоваться?

Яснее не стало. Нелька скорее бы поняла, если бы он попросил воспользоваться их туалетом. Но – балкон?! Видя, что совсем обескуражил юную соседку, Дима рассмеялся и растолковал ситуацию обстоятельно.

– Понимаешь, я забыл свои ключи, когда убежал на тренировку, а мама тем временем уехала на работу. Теперь не могу попасть к себе домой. А у нас с вами, оказывается, балконы смежные. Вот я и хотел попроситься перелезть с вашего балкона – на наш. Балконную дверь мы обычно оставляем открытой...

– Перелезть? – ахнула Нелька, мысленно тут же вообразив себе этот акробатический трюк.

– Да не пугайся ты, рыжик, не свалюсь, – улыбнулся Дима. – Я ужасно ловкий, если хочешь знать.

– А... мама твоя когда с работы придёт?

– Примерно через час, – он пожал плечами.

– Тогда подожди лучше у нас, – обмирая от страха и собственной наглости, предложила Нелька. – Мне так спокойнее будет. А то мало ли что... вдруг и правда упадёшь.

– Да всего лишь второй этаж!.. – запротестовал было он, но Нелька, сама удивляясь своей решимости, возразила:

– Тем более. Не убьёшься, так инвалидом на всю жизнь останешься. Это ведь ещё хуже!

– Умеешь ты уговаривать, – засмеялся он. – Ну, если только я никого не стесню...

– Не стеснишь, я одна. Входи, – Нелька важно посторонилась, пропуская его в квартиру и сдерживаясь, чтобы совершенно по-ребячьи не пуститься в пляс. – Кстати, не самая хорошая привычка – оставлять незапертой дверь балкона на «всего лишь втором этаже», – назидательно добавила она. – Непростительное легкомыслие, между прочим. Этак любой залезть может и квартиру обокрасть.

– Ага, – незло съехидничал Дима, – шкаф, к примеру, вынести среди бела дня, или холодильник... А самое главное – остаться незамеченным!

Чувствуя себя необыкновенно гостеприимной и взрослой хозяйкой, девочка пригласила Диму на кухню и с церемонной любезностью предложила чаю.

– Мне, конечно, немного неудобно, – весело и открыто глядя на неё, произнёс гость, – но не найдётся ли у вас, кроме чая, ещё и чего-нибудь перекусить? Я жутко голодный... На тренировке умотался.

– Ой! – спохватилась Нелька, с которой вмиг слетела вся её важность. – Конечно! Прости... – распахнув дверцу холодильника, она быстро осмотрела содержимое.

– Есть суп и макароны с сосисками. Только... – она смутилась. – Это всё надо как-то разогреть.

– А что? – не понял Дима. – С этим проблемы?

Нелька покраснела до корней своих рыжих волос.

– Я не умею... Может, ты сможешь?

– В смысле? – удивился он. Нелька виновато развела руками. Как ему можно было объяснить, что её – интеллигентную девочку – старшие члены семьи совершенно не приучали к домашнему хозяйству? «Пусть лучше об учёбе думает, успеет ещё с кастрюлями-сковородами набегаться», – считали Нелина бабушка, педагог на пенсии, и мама, кандидат наук. Нельке запрещалось даже просто зажигать газ на плите, если она находилась дома в одиночестве – потому что это могло привести к пожару или взрыву, уверяли взрослые.

– Что же ты – голодаешь, если одна дома? – поразился Дима.

– Мне еду оставляют под полотенцем, чтоб не остыла, – Нелька стыдливо отвела взгляд. – А так, обычно кто-то разогревает и подаёт.

– Кошмар какой, – в притворном ужасе изумился он. – Ну, давай сюда свои макароны и суп, принцесса, я разогрею...

За компанию с гостем Нелька с аппетитом навернула тарелку рассольника и съела изрядную порцию макарон с сосиской. Она и не думала, что так проголодалась. А может быть, просто есть одной было не так интересно...

– Посуду помыть? – без тени иронии поинтересовался Дима. Мало ли – может, этой трепетной барышне и в воде не разрешают возиться, а ну как простудится.

– Нет-нет, – Нелька подорвалась с места, – это я сама, я умею...

Затем она показала ему квартиру. Дима особенно заинтересовался их богатой библиотекой. В основном это была классика, а также море научной литературы.

– А ты что любишь читать? Я что-то не вижу полки с твоими книгами, – сказал он. Нелька вздохнула.

– Я вообще-то разное люблю. Фантастику, приключения, про школу и... – она запнулась, – про любовь. Но бабушка терпеть не может «развлекательное чтение», как она его называет. Она современную литературу просто не признаёт. Приходится брать то, что мне интересно, в школьной библиотеке, и заворачивать в обложки, как будто это учебники. Чтобы она не догадалась.

– Бедняжка, – непритворно посочувствовал Дима. – Прямо-таки подпольное существование... А хочешь, я тебе буду свои книжки давать? У нас дома их полно.

Она широко распахнула глаза.

– Что, правда?

– Конечно. У меня и собрание Булычёва есть, и Марк Твен...

– А «Чучела» нет, случайно?

– Не люблю эту книжку, – Дима поморщился. – По мне – так слишком притянутые за уши ситуации, да и герои какие-то... нежизненные. Никогда не слышал, чтобы пацаны и девчонки на самом деле так друг с другом разговаривали.

Нелька промолчала, в глубине души не согласившись, но не желая этого демонстрировать. Нет, её не травили в школе, как Ленку Бессольцеву, но всё-таки она остро ощущала свою

инородность, карикатурность и несовпадение с общей тональностью класса. К тому же, она была отличницей – а таких всегда дразнили «зубрилками» и «ботаниками».

Утром первого школьного дня Дима ждал её у подъезда.

Нелька с Ритой выскочили из дома нарядные и оживлённые, наполовину скрытые роскошными букетами цветов с «фазенды». Ритины бабушка и дедушка привозили оттуда целые охапки астр и одаривали перед началом учебного года всех дворовых ребят. Те хоть и были привычно, что школа – каторга, но всё же в этот день неизменно проникались атмосферой праздника и радостного ожидания. Что ни говори, но за лето все успевали соскучиться по одноклассникам – даже по тем, с кем не особо ладили. А также по светлым школьным классам и широким шумным коридорам, по дребезжащей трели звонка – которая воспринималась то с досадой (перед началом урока), то с невероятным облегчением (с наступлением перемены). Да впрочем, к чему лукавить – и по учителям соскучились тоже... Потом, конечно, будут и нудные домашние задания, и зубрёжка, и четвертные контрольные, и опросы (когда противно сосёт под ложечкой – вызовут или нет?), но пока – только счастливое нетерпение. Скорее, скорее в школу!..

Увидев Диму, Нелька споткнулась от растерянности и едва не упала. Она, конечно, догадывалась, что он теперь будет учиться в их школе, но того, что Дима специально станет поджидать её, она никак не предполагала. Это было так... серьёзно, по-взрослому.

При взгляде на Нельку он просиял и приветливо кивнул:

– Ну что, пойдём?

Рита ошеломлённо притихла. Вот же тихушница Нелька, читалось в её глазах, ни фигу себе кавалера отхватила, и главное – когда успела?!

К чести подружки, она им не мешала. Дима, конечно, спросил её имя и сам представился, но всю дорогу до школы он общался преимущественно с Нелькой. Они трепались о книжках и весело смеялись, и Рита впервые в жизни почувствовала себя третьей лишней, однако у неё хватило понимания и такта не возмущаться таким положением дел – она видела, как счастлива Нелька, и была искренне рада за подругу, всегда такую робкую и до смешного неуверенную в себе.

В школьном дворе бурлила и волновалась пёстрая толпа. От маленьких перепуганных первоклашек с бантами – до рослых, зрелых старшеклассников, многих из которых вполне можно было принять за учителей.

– Ну, увидимся! – Дима послал Нельке милую улыбку. – С первым сентября! Я пойду искать свой класс.

– Удачи на новом месте, – пожелала Нелька, провожая его обожающими глазами и невольно оглядываясь по сторонам – видел ли кто-нибудь из знакомых, какой шикарный парень её сопровождал?.

Счастье продолжалось ровно три дня.

Каждое утро Дима встречал её возле подъезда и они шли до школы вместе, после чего расходились по своим классам. Рита незаметно самоустранилась, понимая, что в её обществе эти двое не особо нуждаются. Если она и обижалась немного на свою подружку, то виду не подавала. Нелька чувствовала себя самой счастливой девчонкой на свете, и Рита радовалась за неё, словно переживая вместе с подругой трепет нежной первой любви. Ну конечно же, Нелька была по уши влюблена в своего прекрасного соседа и мысленно успела выйти за него замуж сразу после выпускного. Она нравилась Диме – сложно было не заметить, Рита тоже это признавала. Нелька даже на время забыла о своих веснушках – ведь Дима так искренне называл её рыжиком и солнышком, что от её комплексов, будто по мановению волшебной палочки, не осталось и следа.

А на четвёртый день из Сочи вернулась Ася. Она несколько запоздала к началу учебного года – впрочем, её родители не видели в этом большой проблемы. Сокращать отпуск на море из-за школы? Фи, какие глупости. А программу Асенька нагонит, никуда не денется.

Нелька вприпрыжку сбежала по лестнице, предвкушая своё ежеутреннее недолгое счастье – целых пятнадцать минут вместе с Димкой! Именно столько требовалось на дорогу до школьных ворот. Толкнув изнутри дверь подъезда, она вылетела во двор и... будто наткнулась на невидимую преграду. Дима ждал её на своём обычном месте, но рядом с ним стояла Ася.

Она была ужасно хорошенькая после моря – загорелая, заметно вытянувшаяся, с золотистыми лёгкими волосами и задорной кокетливой улыбкой.

– Нельсон!!! Приветище! – завопила Ася при виде подружки и кинулась к ней обниматься. Та машинально ответила на объятие, но при этом пристально смотрела на Диму. Тот скупно буркнул «привет» и больше не проявлял к Нельке никакого интереса. Его взгляд был устремлён на Асю. На прекрасную, восхитительную, сногшибательную Асю. Он ловил каждое её движение и неприкрыто любовался ею. Перестановка сил случилась так стремительно, что Нелька даже не успела толком растеряться.

– Вы же знакомы с Димой, да? – щебетала Ася, стреляя глазами. – Оказывается, он наш новый сосед. А мы, представляешь, с ним теперь в одном классе учимся!

– Здорово, – выдавила Нелька убитым голосом, моментально превращаясь в собственных глазах в ненужное, незаметное, смятое в лепёшку ничтожество. Ходячее недоразумение с веснушками.

В этот раз уже она чувствовала себя третьей лишней по дороге в школу, понимая, что парочка явно тяготится её присутствием. Девочка вынуждена была признать самой себе, что всё это время пребывала в плену глупых иллюзий. Как можно было всерьёз вообразить, что такой парень, как Дима, может увлечься ею – жалкой замухрышкой, которая ещё и младше его на два года?! Чем она в принципе может быть ему интересной?!

Всю дорогу Дима и Ася были поглощены исключительно друг другом. Когда Нелька собралась идти в свой класс и буркнула «пока», они едва ли обратили на неё внимание. Им не было дела до бушующих в её сердце страстей.

В тот день, впервые в жизни, Нелька прогуляла первый урок. Ровно сорок пять минут она просидела в туалете на подоконнике и проплакала – до тех пор, пока не раздался звонок на перемену. Девочка умыла зарёванное лицо, вытерла его подолом юбки (бабушка с мамой упали бы в обморок, если б увидели) и отправилась в класс.

РИТА

Замшелую истину «Новый год – семейный праздник!» удалось привить даже такой непутёвой особе, как Ритина мать.

Непутёвой звала её бабушка. А ещё – в сердцах – кукушкой и бессердечной злыдней.

– Подбросила ребёнка старикам-родителям и упорхнула личную жизнь устраивать: живите, мол, как хотите! Ведь родная кровиночка, ну как так можно?

Мама была лёгким человеком и не обижалась. Рита буквально боготворила её, не обращая внимания на привычный бабушкин бубнёж. Мама приезжала навестить дочь раз в году, тридцать первого декабря, и сама по себе была настоящим праздником.

Рита ждала этого дня со всей страстью, на которое только было способно детское сердечко. Ей не нужны были ни подарки от Деда Мороза, ни ёлка, ни праздничные лакомства – только мама рядом.

Самое поразительное, что Рита никогда даже не мечтала о том, чтобы мать постоянно жила вместе с ними. Это было слишком несбыточно и чересчур прекрасно для того, чтобы слу-

читься в реальности. Девочка уже понимала, что чудес в жизни не бывает. Но... если бы мама приезжала к ней хоть немного почаще, робко грезил Рита. Хотя бы раз в два-три месяца... Тогда ей больше нечего было бы желать.

Радостное нетерпение овладевало Ритой задолго до Нового года.

– Дедушка, давай пока не будем наряжать ёлку? – умоляла она за несколько дней до праздника. – Украсим вместе с мамой...

– Понимаешь, Ритуля, – дедушка виновато отводил взгляд, – мама ведь может приехать поздно вечером, прямо к столу... Мы не успеем.

– Успеем, успеем! – заверяла Рита, сжимая ладошки перед грудью. – Честное-пречестное слово! Что я – игрушки на ёлку вешать не умею, что ли? Раз-два, и готово!

Тридцать первого декабря она вскакивала с постели ни свет ни заря.

«А вдруг мама уже здесь?» – эта мысль билась в висках, как пойманная в сети рыбка, а сердце прыгало ей в такт от волнения. Однако дом встречал её тишиной. Не безлюдной мёртвой тишиной, но тишиной особой, привычной – когда по еле уловимым звукам, доносившимся из разных уголков квартиры, можно было догадаться, чем сейчас заняты дед или бабушка. В этой тишине было множество оттенков: и бормотание радио на кухне, и покашливание дедушки в гостиной, и тиканье настенных часов с кукушкой. Рита понимала, что мама ещё не приехала. Стараясь не отравлять прелесть предстоящего новогоднего праздника чувством глубокого разочарования, девочка со вздохом убирала постель и плелась в ванную – умываться.

День, наполненный отчаянным ожиданием, тянулся мучительно долго, как ненавистные конфеты-ириски. Она занимала себя по полной программе, чтобы не оставалось времени думать о матери: помогала бабушке на кухне, нарезаая овощи для салатов, покорно наряжала-таки ёлку вместе с дедом, вытирала пыль с полированных поверхностей старенькой мебели...

Разделавшись с готовкой, бабушка садилась доводить до ума Ритин новогодний наряд – белое кружево платья украшалось серебристым «дождём», а на бумажную корону приклеивались мелко истолчённые осколки ёлочных игрушек. Битые игрушки в качестве стразов – о, советское ноу-хау!..

Дедушка включал телевизор, где демонстрировалась какая-нибудь традиционная новогодняя комедия, и с удовольствием вставлял собственные реплики по ходу действия.

Рита же, покончив со всеми своими обязанностями, бесцельно слонялась по квартире: из спальни – в гостиную, из гостиной – в коридор и на кухню. Она уже не скрывала своего нетерпения и буквально изнывала от досады – ну когда же наконец, когда?..

Маясь бездельем, девочка останавливалась перед ёлкой, в тысячный раз рассматривая ту или иную игрушку. У неё была здесь своя фаворитка – разноцветная люстра причудливой формы, сделанная из круглых стеклянных бусин и полых трубочек.

– Полечка тоже с детства её обожала, – исподтишка наблюдающая за внучкой бабушка пускала ностальгическую слезу. – Бывало, достанем мы с дедом коробку с игрушками, а она над этой люстрой аж дышать боится... Сама всегда её вешала, нам не доверяла. Эх... кукушка, кукушка, – снова заводила она свою излюбленную песнь.

Часам к пяти вечера девочкой овладевал страх.

– А мама точно придет? – жалобно спрашивала она. – Она ведь обещала?

– Пусть только попробует не приехать, – грозно сопел дед, а бабушка, отвернув лицо в сторону, негромко сетовала:

– Вот ведь, ребёнок мается, а этой лахудре хоть бы хны... И позвонить-то ей некуда! Кто знает, где она сейчас шляется...

По обрывочным сведениям, мать обитала нынче в городке художников на Верхней Масловке. В какой мастерской она жила и с кем – никто не знал. Её постоянно окружали мужчины, которые менялись так часто, что не было никакого смысла запоминать их имена.

Полина Кочеткова и сама была художницей. Не бог весь какой выдающейся, но всё же с дипломом: Суриковский институт, мастерская живописи Таира Салахова. Это обстоятельство позволяло матери причислять себя к творческой элите и вращаться в соответствующих кругах на правах равной.

Полина родила Риту на последнем курсе института, неизвестно от кого. На вопрос об отце ребёнка невозможно было добиться ответа, она сразу же отмахивалась, замыкалась в себе или несла бред про то, что её дочь – дитя Олимпиады. Оставив малышку на престарелых родителей («У меня же защита в этом году!»), Полина упорхнула из родного гнезда – только её и видели.

Бабушка долго отходила от позора, который навлекла на их с дедом седины родная дочь. Однако потом силой заставила себя встряхнуться и утешиться, полностью отдавшись заботам о крошечной внучке. Хоть она и ворчала для проформы все эти годы насчёт того, что матери полагается самой заниматься воспитанием ребёнка, а не сваливать ответственность на стариков, но всё же и представить не могла своей жизни без Риты.

Они растили её с дедом в соответствии со своими жизненными установками и идеалами. Так, день Ритиногo рождения – двадцать второго апреля – был поводом величайшей гордости и для стариков, и для девочки. Ведь именно в этот день (правда, много лет назад) родился Владимир Ильич Ленин.

Мать была другая, какая-то нездешняя, «вне системы». Она и внешне отличалась от своих сверстниц – спортсменок, комсомолок и просто красавиц. Нет, её смело можно было назвать красавицей, да она и была ею; но красота её не имела ничего общего с обликом типичной советской гражданки, чьё улыбочное круглощёкое лицо и тугая льняная коса украшали обложки журналов «Работница» или «Крестьянка». Мать словно сошла с экрана авантюрного голливудского фильма.

Сама Полина Кочеткова называла себя и свою тусовку «хиппи». Бабушка, презрительно фыркая, отзывалась о них более пренебрежительно: бродяги с помойки, голодранцы и бездельники. Она была уверена, что дочка живёт среди них впроголодь, поэтому во время редких набегов Полины в отчий дом старалась как следует подкормить непутное дитя и сунуть ей тайком от бабушки несколько прибережённых купюр. Полина брала деньги с благодарностью, не церемонясь и не отнекиваясь из вежливости, и в конце концов стала воспринимать эти подачки как должное.

Случайно встретив Полину на улице, невозможно было оторвать от неё взгляд. Стройная, высокая, с длинными каштановыми волосами и лентой-хайратником на лбу (чтобы крышу не срывало, говорила она то ли шутя, то ли всерьёз), с фенечками вокруг изящных тонких запястий, в рваных джинсах с бахромой, часто босая – Полина могла произвести впечатление городской сумасшедшей, если бы не выглядела в этом хипповом образе столь естественно и гармонично.

Она тусовалась на Пушкинском, Арбате или Гоголевском бульваре с другими такими же странными личностями, на которых добропорядочные и опрятные советские граждане взирали со смешанными оттенками страха, брезгливости и благоговения. Хиппи вопили битловские песни под гитару, скандировали «Make love, not war!» или «Леннон жил, Леннон жив, Леннон будет жить!», курили травку, внезапно срывались на какие-нибудь сейшены, помогали иногороднему пиплу вписаться на флэт, а иногда могли спонтанно отправиться в Ленинград или Киев на встречу с единомышленниками. Выходили на трассу и передвигались автостопом, либо добирались электричками со множеством пересадок, умело драпая от контролёров. Вскоре в «Сайгоне» на Невском или на Андреевском спуске в Киеве они продолжали, как ни

в чём ни бывало, распевать битлов, скандировать вечное «Занимайтесь любовью, а не войной», а затем уже им помогали с «впиской» местные друзья. Круговорот хиппи в природе...

На одной из таких тусовок Полину увидел заезжий французский журналист Поль Сенье, бродивший по улицам Москвы и фотографирующий жизнь советских граждан в её, так сказать, срезе. Поль с первого взгляда влюбился в русскую красавицу, столь откровенно бросающую вызов государственной системе. Он готов был положить к её босым запылившимся ногам всё – сердце, капиталы и саму Францию. Полина немедленно получила от него страстное предложение руки, сердца и прочих частей тела, а также золотое колечко с рубином, после чего преисполненный самых серьёзных намерений француз отправился знакомиться с родителями своей потенциальной невесты.

В то время у Полины был затяжной вялотекущий роман с женатым скульптором, который не доставлял ей особого удовольствия, но и развязаться окончательно с ним она не решалась. Скульптор ваял Полину во всех видах, в том числе и в обнажённом, и девушке льстило, что её светлый образ будет увековечен в работах прекрасного мастера. Бабушка была уверена, что Полина страдает от несчастной любви – ничего подобного, этой позитивной особе вообще не свойственны были горестные эмоции, она постоянно пребывала в блаженном состоянии любви к миру. Бабушка подумывала даже о том, что Рита – дочь того самого скульптора, но Полина звонко хохотала в ответ на её робкие предположения.

Когда Полина Кочеткова появилась в родной хрущёвке под руку с иностранцем, бабушка сначала обмерла, а затем втайне перекрестилась. Вот он, счастливый лотерейный билет, который удалось вытащить её непутёвой дочери! Неужели Полинка наконец-то взялась за ум?! И даже в сходстве имён – Поль и Полина – бабушка углядела божественное провидение, знак свыше.

Всё было очень серьёзно. Поль упал на одно колено и официально попросил у стариков руки их прекрасной дочери. Он был готов стать для Риты самым настоящим отцом и увезти обеих в Париж. Он даже схватил двухлетнюю круглощёкую малышку на руки и весело подкинул вверх, воскликнув что-то типа «о ля ля, бебе», но Рита от шока заревела басом, выпустив из носа огромный переливающийся пузырь.

Пытаясь сгладить неловкость, бабушка усадила всех за стол, налила чаю и торопливо нарезала свежего лукового пирога. Дедушка на радостях полез за домашней смородиновой наливкой, чтобы чокнуться с «товарищем из Парижа», и уже через пятнадцать минут они с Полем в обнимку горланили Марсельезу. Полина наблюдала за этим театром абсурда, высоко подняв тонкие брови, и молчала.

– Улетишь во Францию, – шептала бабушка, – в люди выбьешься, Ритку человеком сделаешь... Только не сглупи, Поля! Не упusti свой шанс! Держись за этого мужика руками и ногами! – а затем смахивала лирическую слезу. – Ах, Париж... Будешь на Эйфелеву башню любоваться, по Елисейским полям гулять...

– ...в Соборе Парижской Богоматери молиться, – ровным голосом подсказывала Полина, – в Мулен Руж плясать, лягушек жевать да добра наживать, – и в глазах её начинали плескаться первые искорки протеста.

Бабушка зря возлагала надежды на заезжего французика – ровно через месяц после знакомства Полина его бросила.

– Как! Как ты могла, негодная! – кричала бабушка, патетически заламывая руки. – О себе не думаешь, о дочери бы хоть подумала, о её будущем! Кукушка!!!

– Да ладно тебе, мам, – сказала Полина миролюбиво, пресекая её вопли. – Ну как с таким жить, ты сама подумай? Он же зануден и уродлив. Противный долговязый очкарик...

Как бы парадоксально это ни звучало, Полина Кочеткова могла ложиться в постель с мужчинами только по любви. Или, как минимум, по очень большой симпатии...

Оскорблённый и разочарованный Поль вскоре покинул Союз, и больше Полина никогда его не видела. Подаренное им колечко она сдала в комиссионку, а на вырученные от продажи деньги рванула в Крым вместе со своим скульптором. Жили дикарями – в палатке, готовили на костре немудрёную походную пищу, ловили рыбу, купались и стирали в море. Получилось прекрасное, восхитительное лето – «спасибо французу за это», цинично рифмовала Полина.

Рита, конечно же, ничего этого не помнила – не могла помнить. Но история со сватавшимся французом стала своеобразной семейной легендой. Бабушка любила иногда щегольнуть ею перед соседками и новыми знакомыми, ловко вытаскивая на свет, как козырной туз из рукава. Те охали, ахали и недоверчиво цокали языками. Отказать настоящему французу? Дура Полька, самая что ни на есть дурында.

– Она девка красивая, – притворно вздыхала бабушка. – Мужики такую не пропускают...

– Да она у тебя просто на передок слаба! – не удержалась как-то соседка из первого подъезда, Райка-балаболка. – Вон, моя Зиночка себя блюдёт до свадьбы... А на Польке и пробу уже негде ставить.

Бабушка окинула наглую Райку презрительным взглядом.

– Блюдёт? – насмешливо переспросила она. – Да на твою Зинку никто и не зарится. К такой не то что француз – наш русский Васька не посватается, останется она у тебя в старых девках, помяни моё слово!

– Лучше уж в девках, чем шалавой слыть! – крикнула соседка, отступая, но в голосе дрожала жалобная нотка – бабушка попала прямёхонько в болевую точку.

Повзрослев, Рита изредка размышляла, как сложилась бы её судьба, прими мама предложение Поля. Они жили бы сейчас в Париже, Рита ходила бы во французскую школу, говорила «бонжур, месье» и «мерси, мадам», ела круассаны с горячим шоколадом на завтрак... Картинка заграничного будущего была яркой и манящей, как фантик от дорогой конфеты, но Рита понимала – это не её путь. Совершенно невозможно было представить себя в этих декорациях, как бы ни вздыхала бабушка, вновь и вновь возвращаясь воспоминаниями к той давней истории. Вот же странность: старики, с их яростной приверженностью к социалистическому строю, мечтали отправить дочь и внуку в мир алчного капитализма, где человек человеку – волк...

В общем, наверное, и к лучшему вышло, что Поль Сенье не стал её папой. Во всяком случае, Рита ни капельки об этом не жалела. Она вообще не мечтала об отце – настолько все её детские желания сосредоточились на одной лишь матери.

Хотя иногда она по-хорошему завидовала своим подругам из полных семей – Нельке и Асе. Особенно Асе! Родители Нельки были немного скучноваты и занудны, даже чопорны, зато у Аси дома фонтаном била яркая, буйная, разноцветная жизнь.

Асин отец очень нравился Рите. Он был довольно известной личностью – ведущим одной из развлекательных программ на главном телеканале страны, и водил знакомства с такими именитыми коллегами, как Александр Масляков, Юрий Николаев и Николай Фоменко. Обаятельный мужчина средних лет, улыбчивый, чуть грузноватый, но с красивой точёной линией скул и подбородка, с модной короткой стрижкой, он неизменно приветливо и почтительно здоровался с Ритой, как со взрослой. Жена его – Асина мама – тоже работала в Останкино, но на экране не мелькала, поскольку занимала должность редактора выпуска новостей.

Отец Аси был невероятный весельчак и юморист. Когда Рита с Нелькой приходили к подруге в гости, он угощал их всех обедом – «шоколадным супом» (какао в глубокой тарелке, куда крошились воздушные кусочки зефира, и нужно было хлебать этот «суп» ложками) или «фруктовым супом» (компотом или киселём с ягодами). Это казалось девчонкам страшно

забавным: они с восторгом уписывали сладкие лакомства вместо традиционно-опостылевших щей или гречневой каши.

«Да, иметь такого папу, пожалуй, было бы неплохо...» – размышляла порою Рита, но не всерьёз, а чисто гипотетически.

А потом она случайно увидела его в «Елисеевском».

Позвонила бывшая бабушкина сослуживица, обитавшая неподалёку от знаменитого гастронома, и сообщила, что туда внезапно «выкинули» гусей (бегом! ты ещё успеешь! запечёшь в духовке – пальчики оближешь!). Бабушка тут же всполошилась, засуетилась, вдохновившись заманчивой идеей отведать жирной гусятинки вместо надоевшей спинки минтая или мороженого хека. Рита поехала в «Елисеевский» вместе с ней, чтобы помочь дотащить сумку с гусём до дома – старушка в мечтах уже навоображала себе чудо-птицу исполинских размеров и запредельного веса.

Пока бабушка стояла в длиннющей очереди, волнуясь, хватит ли гусей на всех, Рита от безделья слонялась по различным отделам, любуясь роскошными, поистине царскими интерьерами. Гастроном казался ей сказочным дворцом, а не обычным продуктовым магазином, которым, по сути, и являлся.

Неожиданно поблизости мелькнул знакомый точёный профиль. Рита моментально признала в высокой полноватой фигуре Асиного отца и хотела уже радостно выпалить своё «здрасьте», как вдруг осеклась.

Папа Аси был не один. На его руке повисла вертлявая патлатая девица, преданно заглядывающая своему кавалеру в глаза и поминутно глупо хихикающая. Тот смотрел на неё сверху вниз, снисходительно лаская взглядом, и довольно щурился, как налакавшийся сметаны кот. Несмотря на то, что девица была намного моложе Асиной мамы и, вероятно, красивее, Рите она не понравилась. Девочка плохо понимала, в чём тут дело и кто эти двое друг другу, но внутреннее чутьё подсказывало, что она стала свидетельницей довольно подленькой и дурно пахнущей ситуации.

Рита машинально вжалась спиной в прилавок, стараясь, чтобы сосед её не заметил. Тот и не заметил: он просто не обращал внимания на то, что происходит вокруг. Купив бутылку шампанского и коробку шоколадных конфет «Ассорти» (Рита их обожала, особенно те, что с густой жёлтой начинкой – они были самыми вкусными, и как ей нравилось смаковать на кончике языка райскую кремовую сладость, растягивая удовольствие до бесконечности!), парочка удалилась из магазина, явно предвкушая отличный вечер.

– Ты чего притихла? – покосившись на внучку, спросила счастливая бабушка, только что добывшая вожаденную тушку гуся. Рита пожала плечами:

– Да так... просто устала.

Она ничего не сказала подруге об этой встрече. Но отныне, собираясь в гости к Асе, старалась подгадать момент, когда отец подруги был на работе. Если же всё-таки случайно заставала его дома, то бормотала «здрасьте» и упорно избегала доброжелательного взгляда красавца-телеведущего.

АСЯ

Ася едва ли не с младенчества осознала, что она красива.

– Какая милашечка! Что за душечка! Красавица! Симпапулька! – неслись со всех сторон восхищённо-умильные возгласы, сколько она себя помнила.

Не только родители, родственники и знакомые приходили в экстаз от этого ангельского нежного личика, обрамлённого золотистыми локонами – даже случайные прохожие останавливались перед коляской, чтобы потрепать малышку за пухлую щёчку. Когда Ася подросла

настолько, что могла уже самостоятельно ковылять на подгибающихся неуверенных ножках, количество поклонников возросло: кто бы ни встречал эту очаровательную девчушку (соседка ли по подъезду, бабушка ли Асиного ровесника в песочнице, чужая ли мамаша на молочной кухне), неизменно расплывался в улыбке и угощал прелестницу конфеткой, печеньем или яблоком.

– Диатез заработаем, – ворчала мама, в глубине души, конечно же, польщённая таким вниманием к собственному чаду.

Ася быстро усвоила, что её родители – люди творческие. Им словно не было до дочери особого дела. Это, однако, не означало, что они не любили Асю. Просто с самого раннего детства она привыкла самостоятельно отвечать за свои поступки.

По будням её отводили в детский сад, но и в выходные Ася, по большому счёту, была предоставлена самой себе. Уже лет с трёх она накрепко запомнила: если ты проснулась утром раньше родителей, не смей их будить. Малышка самостоятельно одевалась, шла в туалет, затем умывалась и чистила зубы над кухонной раковиной, подтащив к ней табуретку, после чего готовила себе завтрак: мазала масло на хлеб столовой ложкой, доставала из холодильника нарезанные с вечера кусочки колбасы или сыра, наливала компот из термоса. С тех самых пор «хлеб с маслом и сырой» стал её любимым лакомством, никакой другой еды на завтрак она просто не признавала. Впрочем, Асина мама вообще не являлась великой кулинаркой, традиционно потчuya семью полуфабрикатами – купленными в магазине пельменями и котлетами. Если же она пыталась приготовить что-то самостоятельно (что случалось редко, раз в несколько месяцев), то выходило нечто, надо отдать ей должное, довольное съедобное, но совершенно при этом невкусное. Картошка, которую мама резала крупными неаккуратными ломтями, при жарке неизменно подгорала до чёрных корочек, которые затем приходилось отрезать и выбрасывать; пирог «манник» получался жёстким, как подошва; блины выходили толстенными и тоже пригоревшими; тесто для пельменей она замешивала так густо, что мясо не успевало провариться и оставалось ярко-розового цвета, а сами пельмени получались размером с лапоть. Даже яичницу она не могла поджарить, не испортив при этом её вкуса. Впрочем, мама была глубоко убеждена в том, что умение готовить – не главное для женщины. Самое важное – состояться как личность.

Дорогу до школы родители показали дочери-первоклашке только один раз. Все остальные годы Ася ходила на учёбу самостоятельно или с подругами, Ритой и Нелькой. У неё никто и никогда не проверял уроков – опять же, не потому, что родителям было всё равно; просто они всецело доверяли Асе и надеялись, что у неё вполне хватит собственного ума, чтобы хорошо учиться. И действительно, девочка стабильно получала в школе круглые пятёрки, с первого же класса уверенно взяв курс на золотую медаль.

Однажды в конце четверти математичка – гримза и стерва – вывела её четвёрку по алгебре. У Аси стояли оценки: 5, 3, 5, 5. Итоговая «четыре» противоречила всем законам логики и математики. Отец пошёл разбираться с училкой, отметку Асе в итоге исправили. Но это был первый и последний раз, когда родители вмешались в школьные дела дочери.

Обе подруги завидовали Асиной свободе и независимости. Девочка видела, как тоскливо вздыхает Нелька, когда оказывается у неё в гостях, мысленно сравнивая Асину жизнь со своей. Ей-то родители не давали и шагу спокойно ступить, поминутно опекая и контролируя. Нелькин дедушка до шестого класса тайно провожал внучку до школы, глупо прячась за кустами и деревьями, чтобы она не увидела его и не оскорбилась. Она, конечно же, всё замечала и внутренне вскипала от возмущения: сколько можно держать её на коротком поводке, она уже взрослая!!! То, что Ася с малолетства сама готовит себе завтрак, вызывало у Нельки благоговейный трепет. Ей же лет до двенадцати не позволялось даже просто брать в руки кухонный нож, а косы мама самолично заплетала дочке аж до получения паспорта.

Асе была ближе и понятнее Рита, чем Нелька. Но в их маленькой компании не было места традиционным девчачьим интригам или разборкам. «Три девицы под окном», – шутливо называл их душевные посиделки папа.

Эта дружная троица славилась своими оригинальными затеями и выдумками. То они открывали игрушечное ателье и обшивали всех кукол и плюшевых мишек из окрестных дворов. То организовывали детективное агентство, чтобы расследовать загадочные преступления вроде пропажи соседского кота, подобно Шерлоку Холмсу. То устраивали конкурс-выставку детских рисунков или состязание певцов... И практически всегда генератором идей выступала Ася. На её кипучей энергии и бурлящей фантазии всё и держалось...

Когда Асе исполнилось тринадцать лет, её сверстников захлестнула волна увлечения «анкетами» – вопросниками в толстых «общих» тетрадках, которые раздавались всем подругам и одноклассницам по очереди, чтобы те их заполнили. Мальчишки, как правило, к священнодействию не допускались – и потому подчёркнуто пренебрежительно фыркали, называя всё это девчачьей чепухой и глупостью.

Заполняли старательно, пыхтя и высунув язык от усердия, разрисовывали странички фломастерами и украшали всевозможными узорами, вензельками и прочими финтифлюшками. Занимались этим дома и в школе, на перемене или прямо во время урока – тайком, прикрывая пёстрые странички ладошкой, чтобы училка не засекала. В середине каждой анкеты обязательно находился листок, загадочно свёрнутый конвертиком и подписанный огромными буквами: «СЕКРЕТНО! ОТКРЫВАТЬ НЕЛЬЗЯ!» Разумеется, все разворачивали конверт и обнаруживали там язвительную обличающую фразу: «Ах, какая ты свинья, здесь же сказано – НЕЛЬЗЯ!» Анкета считалась тем круче, чем больше в ней было вопросов – и если одноклассницы ограничивались парой десятков, то Ася могла запросто наваять вопросник на двести пунктов, причём без всяких пошлых банальностей в духе «открыв секрет, себя ты губишь – теперь пиши, кого ты любишь». Впрочем, и заполняя анкеты, она тоже старалась соригинальничать, как-то выделиться – её ответы были неизменно эпатажными, рассчитанными на широкий общественный резонанс. В графе «любимый фрукт» Ася многозначительно писала: «все экзотические фрукты», а в графе «любимый цвет» – «все насыщенные цвета». Но самый большой хай поднялся после того, как Ася честно ответила на вопрос, считает ли она себя красивой. Она просто написала: «Да, очень!»

Все девчонки их школы стояли на ушах от такой бесстыдной наглости. На подобный вопрос принято было отвечать куда скромнее: «Я считаю себя симпатичной» или даже «Не знаю, со стороны виднее». Но Ася плевать хотела на пересуды и насмешки.

– Я просто написала правду, – пожимала она плечами, – в то время как вы все лукавите. На самом деле, каждая девчонка, любая из вас – даже самая жуткая страшила – в глубине души считает себя прекрасной принцессой и писаной красавицей.

Одноклассницы потупились: доля истины в её словах имелаась. Но всё-таки это было ужасно нескромно, и за Асей прочно закрепилась слава самовлюблённой гордячки.

Впрочем, на её дружбу с Ритой и Нелькой это никак не повлияло. Девчонки готовы были прощать Асе многое за её компанейскую, широкую натуру и неизменно фонтанирующее воображение.

Фантазёрка Ася постоянно что-то выдумывала, попросту говоря – врал, но делала это так искусно, что ей верили даже тогда, когда она несла полный, казалось бы, бред. Удивительно, но она была способна убедить подруг в чём угодно: и что обнаружила Сказочный лес, спрятанный в её шкафу, где обитают все герои их любимых сказок (привет тебе, Нарния!); и что умеет по ночам летать на подушке – нужно только ровно в полночь шепнуть секретное заклинание; и что у неё среди игрушек, в скорлупке от грецкого ореха, живёт самая настоящая Дюймо-

вочка... Рита и Нелька смотрели ей в рот, боясь даже моргнуть – так здорово у неё выходило, так реалистично и достоверно она им всё это рассказывала.

У Аси был жадный ум, цепкий к деталям. Её школьные сочинения неизменно зачитывались вслух перед классом расстроганной учительницей, прерывающей чтение пафосными восклицаниями: «Каков оборот, а?! Нет, но как тонко подмечено, подумать только, что за умница!» Её очерки, рассказы и эссе публиковались в «Пионерской правде», поэтому многие пророчили Асе славу журналистки или – берите выше! – писательницы. Она подмечала уникальные особенности даже у заурядных, привычных всем явлений.

Только Ася могла так живо описать морозное зимнее утро, когда встаёшь с постели ещё затемно: как похрустывает снег под подошвами сапог, как переливается он в свете непогашенных фонарей... А вот мамаша спешит в детский сад – везёт на саночках карапуза, закутанного в сотню одежек; личико его почти полностью скрыто шарфом, только сонные глазки таращатся из-под шапки – ни носа, ни рта не видно... Трах-та-ра-рах! На очередном повороте санки крепятся набок, ребёнок вываливается из них, как мохнатый колобок, и остаётся лежать в сугробе, но, поскольку рот у него туго перетянут шарфом и позвать на помощь невозможно, потерю мать замечает только через несколько метров... А здание школы ярко освещено и виднеется издали: первые уроки ведутся ещё при электричестве. Потом постепенно светает, и учителя гасят в классах лампы.

Ася обожала зиму. Это время года сулило столько развлечений и праздников!.. Можно было валяться в пышных и высоких, почти в человеческий рост, сугробах, а также рыть в них тайные ходы и пещеры... Или играть в снежки, или лепить из снега фигуры и заливать их водой, чтобы замёрзли... Ну, и вершина мастерства – строительство целых оборонительных крепостей, сказочных дворцов и запутанных ледяных лабиринтов! А лыжи, а коньки, а катание с горки на кусках картона (впрочем, можно прямо на попе, и тогда приходишь домой с совершенно белыми – в лыдышках – лапами пальто или шубки)!..

Или преддверие Нового года, когда сам морозный воздух, кажется, наполнен ожиданием любимого праздника!.. Окна украшены вырезанными из белой бумаги снежинками и картинками, нарисованными красками прямо на стекле – снегирями, Дедом Морозом со Снегуркой, зайчиками и белочками... И родители приносят с работы подарки – одуряюще пахнущие шоколадом, вафлями и мандаринами картонные кульки с тематическим новогодним рисунком. Сунешь туда нос – и вдыхаешь сладкий аромат, и жмуришься от распирающего грудь счастья...

Зимние каникулы, конечно, были прекрасны сами по себе, но настоящим незапланированным счастьем становились те дни, когда занятия в школе отменяли из-за морозов. Ася на всю жизнь запомнила это ощущение: когда ночью просыпаешься от завывания за окном и понимаешь, что это шумит вьюга. Некоторое время ты ещё прислушиваешься к ней, а затем поглубже зарываешься в уютный кокон одеяла и снова проваливаешься в сладкий цветной сон. А утром сквозь дрему слышишь, как в соседней комнате проснулась мама, как она шумит водой в ванной – умывается, а затем идёт на кухню жарить папе яичницу... И понимаешь с тоской, что пора вставать... О, мучение, как же не хочется вылезать из тёплой постели и собираться в школу!.. И тут в комнату на цыпочках входит мама и шепчет, наклонившись над кроватью: «Доча, спи, моё солнышко, по радио объявили, что уроков сегодня не будет, минус тридцать...» Нежданное, сумасшедшее счастье – ура! Праздник!!!

А потом мама с папой уходят на работу, и ты остаёшься в квартире совершенно одна. Целый день свободы, с утра до вечера, можно делать всё, что захочешь! И болтаться по дому в ночнушке неумытой, с растрёпанными волосами, и хватать котлеты руками прямо со сковородки, и кусать сырую сосиску, стоя перед открытым холодильником... А затем мчаться звонить подружкам: срочно ко мне!!! Те моментально прибегают на зов, они и сами не прочь развеяться: Ритины старики постоянно дома, а у Нельки особо не покуролесишь. Девчонки ставят какую-нибудь пластинку, и начинаются дикие танцы!..

А ещё зимой можно гадать: писать на бумажках различные мужские имена и складывать их в старую папину шапку, после чего, не глядя, вытаскивать свою судьбу. Рита однажды вытянула странное имя – Серхио, и ужасно ругалась затем на Нельку; оказывается, эта интеллектуалка вычитала его в каком-то испанском романе! «Где мне теперь прикажешь искать этого Серхио?! – вопила оскорблённая Рита. – Старой девой, что ли, оставаться?»

Были ещё страшные, жуткие гадания: со свечой и зеркалом, но подружек постоянно пробивало на хиханьки да хаханьки, так что ничего путёвого из этого ни разу не вышло. Они всё ещё были глупенькими и наивными девчонками, для которых слово «суженый» казалось чем-то заоблачно далёким и несерьёзным.

Ася, как самая старшая, предсказуемо повзрослела раньше них. Благополучно миновав все опасности переходного возраста (ни прыщей, ни подростковой сутулой неловкости, ни скверного характера), к тринадцати годам она по-прежнему была дивно хороша, только уже не детской, а девичьей красотой, этакой нежной юной прелестью.

В тот период она немного отдалилась от подруг – перемены, происходящие с её телом, занимали Асю куда больше болтовни об игрушках и мультфильмах, которыми всё ещё жили Рита с Нелькой. Они бредили куклой Синди, которую увидели в рекламе по телевизору – невиданной заморской красавицей; даже не верилось, что заграничные дети могут спокойно играть с этим чудом, а не поклоняться ему. Ася же переживала стресс в связи с первым приходом месячных. Это было пугающе, волнующе, но в то же время даже приятно: осознание того, что она стала девушкой, наполняло её гордостью и чувством собственной важности. Вот только стирать и кипятить окровавленные тряпки было ужасно унижительно. Достать нормальные гигиенические прокладки в девяностые было не так-то легко, в аптеках изредка появлялись толстые целлюлозные «Натали», похожие скорее на матрацы, чем на средства интимной гигиены, но и они использовались лишь в особенных случаях, чуть ли не по праздникам. Ходить с ними было ужасно утомительно – мешал ком между ногами, но всё же это было лучше, чем противные застиранные тряпки, проложенные ватой.

В ней проснулся жгучий интерес ко всему, что было связано с взаимоотношениями полов. Как-то раз, роаясь в секрете в поисках маминной янтарной брошки для школьного вечера, она наткнулась на пачку презервативов. Ася даже удивилась – ну надо же, родители такие старые, а всё ещё занимаются *этим*. В упаковке не хватало пары кондомов, но когда несколько месяцев спустя Ася снова полезла в секретер, то обнаружила, что количество презервативов не изменилось. Очевидно, секс родители практиковали не так уж и часто, что было вполне логично в их возрасте – по Асиному глубокому убеждению, после тридцати лет стыдно было даже думать об этом.

Сама же она запоем читала эротическую литературу – благо, в то время на российские книжные прилавки буквально хлынули всевозможные любовные романы, брошюры об интимной жизни, пособия по сексу и прочие прелести; среди периодики же особенной популярностью пользовалась газета «СПИД-инфо», откуда Ася почерпнула множество интересных и познавательных вещей.

Ей дико хотелось обсудить свои открытия с подругами, но Рита и Нелька были ещё слишком малы для подобных разговоров. Как-то раз, любопытства ради, Ася поинтересовалась у Риты, испытывала ли она когда-нибудь оргазм, на что девочка жутко покраснела, сконфузилась и промямлила, что это невозможно – она же ещё ни с кем и никогда не занималась сексом. «Вот дура», – подумала Ася с сожалением, но тему предпочла не развивать. Больше же поделиться было не с кем. Хотя Ася и привыкла эпатировать окружающих, но откровенничать насчёт тайн собственного тела почему-то не хотелось.

Пытаясь совладать с бушующими в ней страстями, она принялась писать короткие рассказы – о прекрасной любви, но с неизменным уклоном в жёсткую эротику, где реализовы-

вала все свои смутные и пугающие фантазии. Однажды по рассеянности Ася забыла тетрадь с опусами на самом видном месте – вместо того, чтобы привычно спрятать за книгами на полке. Разумеется, по закону подлости именно в тот день маме срочно понадобилось что-то на её письменном столе, и она практически сразу же наткнулась на дочкино творчество. Рассказы она прочла не без интереса; когда же Ася вернулась из школы, мать невозмутимо вернула ей тетрадку и философски заметила:

– Вот сразу видно, что ты пока только теоретик, а не практик. В жизни, увы, всё не так восхитительно...

Ася побагровела и промямлила в ответ что-то маловразумительное, в глубине души расценив это как грубое нарушение своего личного пространства.

Мама, конечно же, была права – всё, что Ася описывала в своих рассказах, являлось лишь плодом её воображения. Но дочка была полна решимости испытать это и на собственной шкуре... Главное – найти подходящего кандидата.

В четырнадцать лет она встретила Диму. Это была самая настоящая первая любовь, какая бывает только у подростков – яркая, бурная, пронзительная. Их потянуло друг к другу, как магнитом. Ася не могла не замечать, какими тоскливыми глазами смотрит на Диму Нелька, похоже, и сама имеющая на него виды, но ничем не могла помочь подружьиному горю. Она прекрасно отдавала себе отчёт в том, что Диме нет до Нельки никакого дела – вернее, он относился к ней с искренней дружеской симпатией, но как девушка она его совершенно не интересовала, так что Ася даже не особо терзалась чувством вины по отношению к подруге.

И Дима, и Ася понимали, что рано или поздно они переступят ту самую черту, которая пока что отделяет их от мира взрослых. Собственно, они уже всю практикували любовь не только духовную, но и телесную – объятия по тёмным углам, поцелуи, долгие ласки... Асе нравилось дразнить Диму: она словно демонстрировала свою женскую власть над ним, давая себя целовать и частично раздевать, но не более – он весь аж дрожал, но Ася неизменно держала его на расстоянии, не давая перейти к *главному*. Однако оба знали, что когда-нибудь это с ними непременно произойдёт...

РИТА

Долгожданный дверной звонок стремительно наполнял Ритину душу радостью, как воздух наполняет воздушный шарик. Счастье буквально распирало её изнутри, и она не бежала, а летела в прихожую навстречу матери. Она готова была простить ей всё – даже то, что она явилась уже практически ночью, за пару часов до Нового года.

В первый миг Риту неизменно ослепляла мамина красота. Какой же она всё-таки была прекрасной, удивительной, из другой жизни – будто из иного мира! За год девочка успевала отвыкнуть от матери, и каждая новая встреча ввергала её в священный трепет. Она смотрела на стройную и гибкую женщину, которая, заразительно смеясь и что-то оживлённо болтая, стряхивала снежинки со своих длинных волос, а затем, изящно потянувшись, выныривала из пальто и устраивала его на вешалку. После этого можно было прильнуть к матери с полным правом – обхватить её руками, прижаться изо всех сил, обнять, замереть от восторга, зажмуриться и не дышать...

Однако мама ни минуты не могла постоять спокойно. Отстранившись, она брала Ритино лицо в ладони и весело смотрела ей в глаза.

– Ты так выросла, доча, с ума сойти! – приговаривала она. – Уже, наверное, читать умеешь?.. В самом деле?.. И писать?.. Скажи на милость, какая умничка!

– Хоть бы патлы прибрала, – беззлобно ворчала бабушка. – Трясёшь тут своими косами – кто знает, где ты шастала весь год, вдруг вшей подцепила? Может, ребёнка и близко нельзя к тебе подпускать...

Ни мама, ни Рита несколько не обижались на бабушку за такое дикое предположение. Они видели, что старушка и сама довольна: глаза её сияли от радости за внучку и от того, что видимость семейной идиллии послушно соблюдается – все в сборе, можно и за стол садиться.

Впрочем, новогодние застолья никогда не проходили тихо и мирно – мама обязательно что-нибудь отчебучивала, после чего бабушка неслась к домашней аптечке за валерьяновыми каплями.

Так случилось и на этот раз.

Едва взглянув на заставленный праздничными яствами стол, Полина Кочеткова скривила своё красивое лицо в брезгливой гримаске.

– А у вас, как я вижу, традиционное меню? Я такое не ем.

– В каком смысле? – озадаченно переспросил дедушка.

– В прямом. Я вегетарианка, – отчеканила она.

В то время у Полины был очередной роман – на этот раз с каким-то Гуру, как она почти-точно именовала его даже за глаза. Он учил возлюбленную йоге, медитации, гармонии, просветлению и прочим возвышенным вещам, не имеющим ничего общего с поеданием плоти.

Обескураженная бабушка потребовала разъяснений.

– Что такое «вегетарианка»?

– Я не ем животную пищу, – с гордостью отозвалась Полина. – Только растительную. Никакого мяса!

– Так у нас только курица и холодец, – удивилась старушка ещё больше. – И салатики – селёdochка под шубой да оливье с колбаской... Где ж тут мясо?

Полина презрительно фыркнула.

– Типичные обывательско-мещанские рассуждения. Когда вы говорите: «Колбаса – это всего лишь колбаса, это не живая корова» – вы лжёте самим себе, заглушая голос совести.

– Совесть-то здесь при чём?! – обалдел уже и дед.

– При том! – отрезала Полина. – Поедая мясо, вы становитесь причастными к убийству. Вы совершаете насильственные, жестокие, неестественные для себя действия, и душа на самом глубоком уровне это понимает.

– Ну какое ещё убийство, Полюшка, опомнись! – бабушка всплеснула руками, всё ещё не совсем понимая сути высказанных им претензий. – Колбаса с селёдкой в магазине куплены, а ножки для холодца я на рынке взяла.

– Ага, все так говорят, когда мясо подъедают, – дочь ехидно прищурилась. – Знаете, почему? Чтобы сокрыть от самих себя причастие к убиению. А между прочим, в курсе ли вы, что животным белком питаются раковые клетки? – выдвинула она новый аргумент.

Бабушка схватилась за сердце, но Полина уже вошла в раж.

– Когда начинаешь есть вегетарианскую пищу, то моментально осознаёшь, как изнутри уходит тяжёлый груз вины, – вдохновенно вещала она. – Ты чувствуешь себя гораздо легче и спокойнее... Я поняла это, когда полностью исключила из рациона мясо, птицу, рыбу и яйца.

– Даже яйца? А что ты тогда кушаешь?! – скорбно возопила бабушка. – Травку да листики? Человек не может без мяса, это в его природе заложено...

– Очередной миф, – саркастически расхохоталась Полина. – Люди вполне могут обходиться только растительной пищей. Овощи, фрукты, ягоды, орехи, бобовые, злаки... Впрочем, некоторым так нравится пожирать мертвечину, что они бубнят свою мантру: «человек без мяса не может» в качестве самооправдания. Вы все – злостные трупоеды, вот кто! – припечатала она напоследок.

Маленькая Рита притихла и с опаской покосилась в сторону новогоднего стола, где на тарелке были аккуратно и красиво разложены кусочки сырокопчёной колбасы – её любимого лакомства.

– Ты девчонку-то нам с панталыку не сбивай! – ахнула бабушка. – Она же такая впечатлительная...

Мама удовлетворённо кивнула:

– Что ж, это будет хорошо, просто прекрасно, если моя дочь перестанет питаться гниющими телами загубленных зверюшек.

– Побойся бога, Полюшка! Приезжаешь раз в году, забиваешь дочке голову всякими глупостями, и потом поминай, как тебя звали – а нам с отцом эту кашу самым расхлёбывать! – запричитала бабушка.

В этот момент побагровевший дед, доселе внимательно прислушивающийся к диалогу, вдруг шарахнул по столу кулаком. Да так шибко, что задребезжали тарелки!

Все вздрогнули от неожиданности.

– Молчать!.. – выдохнул старик, тяжело дыша. – Молчать, Польшка. Да кто ты такая, чтобы разевать свой поганый рот? Чего о себе возомнила? «Мертвечина»... «Трупы»... И как только у тебя язык повернулся обозвать родителей убийцами! И что ты, сопля, знаешь о настоящем голоде? О смерти? Как ты смеешь рассуждать, кто святой, а кто грешник?

Полина заметно струхнула.

– Я же никого не обвиняю, пап... – пробормотала она в замешательстве. – Просто... поделилась своим новым опытом. опытом просветления, – и тут же совершила непростительную оплошность, добавив вполголоса:

– А если правда глаза колет – так это уже не моя вина...

– Правда? – рявкнул дедушка, прекрасно всё расслышав. – Правда?! Вся правда в том, что ты с высоты своего «просветления», – он ехидно спародировал интонации дочери, – не видишь сути. Тебе просто нравится оскорблять людей. Нас с матерью оскорблять! Честных тружеников! Которые работали всю жизнь, с самого детства! Тебе ли, тунеядке, рассуждать о том, что такое хорошо, а что такое плохо? Поглядите-ка на неё – явилась в родительский дом и ещё нос от нашего хлеба-соли воротит, критикует, понимаешь!..

– Успокойся, Ваня, – проговорила бабушка умоляюще, а затем перевела глаза на Полину.

– А ты попросила бы у отца прощения, бесстыдница! До чего старого человека довела!

Полина стухла. Ей и самой совершенно расхотелось спорить: она поняла, что её родители – тёмные и отсталые люди, которым уже не помогут никакие беседы о всеобщем мировом благе и гармонии.

– Как скажете, – кивнула она покладисто. – Прости, папа.

Поскольку в комнате всё ещё царил неловкое тягостное молчание, она миролюбиво добавила, пытаясь разрядить обстановку:

– Может, пора за стол?

– И правда, давайте садиться! – спохватилась бабушка. – Уже одиннадцать часов, надо успеть старый год проводить.

Во время праздничного ужина напряжение потихоньку спало.

Полина деликатно ковыряла вилочкой винегрет и безостановочно таскала из банки маринованные грибы («Ммм, мамуля, как я скушаю по твоим грибочкам – словами не передать!»). Рита не отлипала от матери – придвинула свой стул вплотную, прижалась боком, тайком нюхала её душистые волосы и постоянно прикасалась к маминому плечу рукой, словно проверяя – здесь ли? настоящая ли? не мираж ли?

– Ты же останешься ночевать? – умоляюще спрашивала девочка. – Честно-честно останешься? Не уйдёшь? Я могу лечь на раскладушке, а ты – на моей кровати... Тебе будет удобно, правда!

– Останусь, останусь, – беззаботно смеялась мать, взъерошивая Ритины волосы ладонью. Она каждый год это обещала.

Долго и пространно вещал с экрана телевизора Горбачёв, поздравляя «дорогих товарищей» с Новым годом.

– Балабол, – презрительно кривил губы дедушка, внимательно прислушивающийся к речи генсека. – Сто слов, и из них только одно – по делу.

Затем, наконец, начинали бить куранты. Дедушка с бабушкой чокались рюмочками с домашней наливкой, мама неторопливо тянула шампанское, а Рите наливали лимонад «Бура-тино», который приятно пощипывал в носу и в горле.

– Пей маленькими глоточками, – не забывала предостеречь бабушка, – а то простудишься.

Затем Риту отправляли спать. Девочка не хотела уходить из-за стола, упрячилась и капризничала. Ей казалось, что стоит только покинуть общее застолье – и мама сразу же исчезнет, испарится, сбежит, как Золушка с бала. Полина смеялась и успокаивала, что никуда не денется, но Рита уже готова была зареветь, как младенец. В конце концов, мать шла в спальню вместе с дочкой, чтобы посидеть с ней перед сном.

Рита держала маму за руку и не давала уйти, пока не засыпала – только так её покидало чувство тревоги.

– Мы поедем с тобой завтра кататься на лыжах? – спрашивала она сонным голосом.

– Ну конечно... – кивала мама. Девочка вздыхала с блаженным чувством облегчения и закрывала глаза, но тут же озабоченно распакивала их снова:

– А может, лучше на каток в парк Горького?

– Можно и на каток, – покладисто соглашалась мама.

Рита проваливалась в сон абсолютно счастливой.

Утром она подскакивала на постели, словно пружина, храня в себе воспоминания о вчерашнем счастье – и полная радужных предвкушений счастья сегодняшнего.

Знакомо бубнило на кухне радио и шумела вода в раковине, бабушка погромыхивала кастрюлями и сковородками, дедушка шуршал газетой, иногда вслух проговаривая особо заинтересовавшие его строчки, чтобы лучше осмыслить их... Всё это было знакомо, привычно как воздух, но... из квартиры начисто исчезали следы маминого присутствия – Рита понимала это в момент.

В одной ночнушке она неслась из спальни в большую комнату, не в силах поверить, что мама снова её так жестоко обманула. Они же собирались кататься на лыжах! И на коньках! И вообще, она обещала, что весь этот день проведёт с дочкой!..

Мамы не было ни в гостиной, ни на кухне, ни в ванной или туалете. Она просто ушла. В очередной раз её бросила.

Рита в отчаянии опускалась прямо на пол и принималась реветь, как маленькая, не сдерживаясь больше. Всё было испорчено... праздник испорчен, Новый год испорчен.

– Ритуля, – бабушка бежала из кухни с преувеличенно бодрым лицом. – А посмотри-ка, я специально для тебя с утраца пирожков напекла! С яблоками, как ты любишь! Поешь-ка, внученька, свеженькие, сладенькие, горяченькие ещё! А по телевизору сегодня знаешь, что будут показывать? «Морозко», твою любимую сказку!

– А что это у нас лежит под ёлкой? – неуклюже пытался переключить её внимание дед. – Кому там оставили подарок, не знаешь?

Рита не слушала их утешений. Ей не нужны были ни пирожки, ни подарки, ни волшебные фильмы Александра Роу. Она хотела только маму.

Отчаянные рыдания не прекращались около часа. Бабушка снова капала себе валерьянку, приговаривая в сердцах что-то традиционно-неизменное о бессердечной дочери-кукушке. Дедушка отводил взгляд, не в силах наблюдать за внучкиными страданиями. Они знали по опыту – Рита поплачет-поплачет и сама успокоится. Но как же рвалось сердце при взгляде на этого несчастного ребёнка!

Однажды у Риты случилась самая настоящая депрессия: она вдруг так безумно, так горько затосковала по маме, что несколько дней отказывалась есть, лежала на кровати и только плакала, плакала, плакала... Бабушка с дедом перепугались, даже вызвали на дом врача, но та лишь пожала плечами: ребёнку нужна мать, медицина здесь бессильна. Всеми правдами и неправдами старикам удалось раздобыть московский номер телефона того самого Гуру, в квартире которого тусовалась их непутёвая дочь Полинка. Но разговор с нею не дал никаких результатов.

– Забери ты её к себе, Полюшка! – молил дед. – Девчонка совсем исстрадалась, смотреть больно... Чай, устройтесь как-нибудь, мы с матерью помогать будем – и деньгами, и продуктами...

– Глупости, – невозмутимо и абсолютно спокойно отзывалась Полина. – Это всего лишь возрастной кризис. Ну да, Рита немного соскучилась... Но это пройдёт. Я не собираюсь потакать сиюминутным детским капризам, ставя под угрозу все мои планы и привычный, налаженный образ жизни.

Потребовался не год, и не два, и не три – много лет, прежде чем Рита окончательно и бесповоротно поняла и приняла тот факт, что совершенно не нужна собственной матери. И в тот же день, когда пришло осознание – Рита раз и навсегда перестала её ждать...

НЕЛЬКА

Она превратилась в заправского шпиона.

Неустанно следя за объектом своего обожания, Нелька умудрилась ни разу не попасться ему на глаза. Впрочем, это оказалось не так уж и трудно: если Дима был не один, а с Асей, то весь остальной мир прекращал для него существовать, он не замечал ничего и никого вокруг, кроме своей подружки. В школе они тоже постоянно держались парочкой, и Нелька, с независимым видом прогуливаясь на переменах по коридорам, чтобы зацепить украдкой взглядом своё счастье, всегда благополучно оставалась незамеченной.

Уроки у Димы с Асей заканчивались позже, так как они были двумя классами старше. Нелька поджидала их возвращения у себя на балконе. Там можно было присесть на корточки и сквозь узкую щель подглядывать за влюблёнными без опаски. Дима с Асей подолгу стояли у подъезда, не в силах расстаться, и разговаривали. Если на лавочках не сидели вездесущие старушки-соседки, парочка самозабвенно целовалась на прощание, и Нелька, скорчившись на балконе в неудобной воровской позе, от которой затекали ноги и болела шея, глотала злые ревнивые слёзы.

Может быть, Ася и замечала, как отдалилась от неё одна из лучших подруг, но виду не подавала. Вероятно, чувствовала, что невольно послужила причиной разбитого сердца...

Иногда Нельке удавалось подловить его одного – и тогда он снова становился прежним милым Димкой, галантным кавалером и весёлым другом. Девочка врала, что интересуется его тренировками: он посещал секцию карате, и она изо всех сил делала заинтересованное лицо, когда он рассказывал ей о традициях этого древнего боевого искусства и историю развития

карате в России. Пару раз Нелька даже напросилась с ним в спортклуб – поглазеть на их занятия. Дима в белом кимоно, которое так шло к его тёмным волосам и смуглой коже, опрокидывал своих противников на лопатки парой неувимых движений, представляясь Нельке настоящим киногероем. Она сидела на скамеечке у стены и, болея за него, так хлопала в ладоши, что они потом ныли целый вечер.

Вот если бы родители разрешили ей тоже посещать секцию – Нелька видела, что среди юных каратистов было немало девчонок, зачастую даже младше её самой! Но эта мечта была из разряда нереальных. В её семье немыслимо было даже заикнуться о таком виде спорта, как восточные единоборства. Впрочем, на художественную гимнастику в своё время мама тоже её не пустила – сказала, что это очень травмоопасно. Собственно, Нелька и в самом деле была совершенно неспортивной девочкой. Её жалкие попытки на уроках физкультуры вскарабкаться по канату или перепрыгнуть через козла встречались дружным хохотом одноклассников. К тому же, она постоянно пропускала физру из-за того, что часто болела – ну о каком карате могла идти речь?!

С другой стороны, может, это было и к лучшему: Дима обмолвился как-то между делом, что карате – совершенно неженственный вид спорта. Нелька сделала вывод, что он не одобрил бы её вступление в секцию, и этим успокоилась. Но отказать себе в удовольствии изредка сопровождать его на тренировки и присутствовать на них она не могла.

Её влюблённость в Диму постепенно перешла из разряда острого заболевания – в хроническое; едва ли кто-то другой замечал, что она неровно дышит к парню. Со временем Нелька даже научилась спокойно общаться с ним и Асей одновременно, не реагируя на их нежные объятия и заигрывания друг с другом. Ни словом, ни жестом, ни мимикой, ни взглядом не выдавала она тех страстей, что бушевали у неё внутри.

Встречать новый 1996-й год Ася пригласила к себе.

Родители её уехали на всю ночь – гулять с коллегами в «Останкино», справедливо рассудив, что дочка стала вполне взрослой и ей можно доверить квартиру, уже не боясь того, что Асины друзья разнесут, сожгут или заблюют жилище. Конечно же, Ася позвала Нельку с Ритой и Диму, а также несколько своих одноклассников и дворовых знакомцев, чтобы девочкам не было скучно. Впрочем, Рита сразу же отказалась, она всё ещё жила ожиданием встреч с мамой – от одной новогодней ночи к другой.

Нельке же ужасно хотелось пойти. Скучные праздничные застолья в компании родителей и их интеллигентно-занудных друзей – научных сотрудников – уже сидели у неё в печёнках. Цедить компотик или лимонад как дура, в то время как все её сверстники уже давно попробовали хотя бы шампанское! Но она долго не решалась заговорить об этом, боясь резкого категорического отказа, и выжидала подходящий момент.

Перед самым Новым годом ей сказочно повезло: выяснилось, что родители в этот раз и сами будут встречать праздник не дома – их пригласили к себе на дачу какие-то старые знакомые, тоже кандидаты наук.

– Хочешь поехать с нами?.. – с сомнением спросила мама, прикидывая, как впишется дочь-подросток в их взрослую компанию.

– Вообще-то, не очень, – хмыкнула Нелька. – Но, честно говоря, сходить с ума от скуки с бабушкой и дедушкой – тоже невесёлая перспектива...

– Что же нам с тобой делать, дочка? – расстроилась мама. И тут Нелька как бы невзначай ввернула:

– Кстати, Ася приглашала нас с Риткой к себе...

Дело было улажено. Девочка получила «добро» на встречу Нового года вне дома, что само по себе уже являлось грандиозным событием. Ну, а главное-то – там будет Дима!..

Никогда ещё она так не волновалась по поводу своего новогоднего наряда, как в этот раз. Она непременно должна была выглядеть сногшибательно – ну да, с подружкой-красоткой ей всё равно не потягаться, но к Асе Дима уже более-менее привык за полтора года, вдруг он сумеет, наконец, «разглядеть» и Нельку тоже? В этом возрасте ещё наивно верится в то, что новые «взрослые» туфли, красивое платье и мамино кольцо могут коренным образом изменить ситуацию.

Конечно же, её отпустили не без ограничений. Во-первых, остаться у Аси до самого утра девочке не позволили – она должна была вернуться домой максимум в два часа ночи. «В противном случае, – пригрозила бабушка, – я самолично явлюсь за тобой!» Допускать такого прилюдного позора (как будто она какая-то детсадовка) было нельзя – пришлось, скрепя сердце, пообещать прийти к назначенному часу. Вторым условием стало не брать в рот ни капли спиртного. А третьим – не терять голову, даже если в компании будут симпатичные мальчишки («Ты ещё такая глупенькая и наивная, ты не знаешь, что всем мальчишкам от вас нужно только одно!»). Впрочем, Нелька заранее была согласна на все запреты и ограничения, как Золушка перед столь вожделенным балом.

Долгожданный Новый год окончился для Нельки полным провалом.

Из алкогольных напитков на Асином столе стояли лишь бутылка шампанского и знаменитый итальянский ликёр «Амаретто», который пользовался просто бешеной популярностью в девяностые. Вероятно, потому, что это был первый заграничный ликёр, появившийся в России. Асины родители демократично рассудили, что такое количество спиртного для десятка человек, пусть даже школьников – не критично. Чтобы упиться вусмерть, всё равно не хватит, а вот посмаковать, попробовать на вкус – вполне. Правда, отец дружески посоветовал-таки Асе не глушить ликёр в чистом виде, а смешивать с апельсиновым соком.

Все ребята в компании уже пробовали алкоголь; Нелька среди них оказалась единственной невинной овечкой-трезвенницей. Впрочем, она была младше остальных. Не желая признаваться в собственной неопытности, она храбро жажнула полную рюмку «Амаретто» и почти моментально окосела. Запив приторно-горьковатый вкус ликёра шампанским (залпом – полный фужер), Нелька поняла, что совершенно потеряла контроль над собой. Стены квартиры и лица Асиных одноклассников забавно разъезжались, голова кружилась, как будто она летела на карусели в парке Горького. В то время как остальные что-то жевали, оживлённо болтали и танцевали, Нелька тупо сидела за столом, уставившись в одну точку, и старалась унять дурноту. А ведь ещё даже не наступила полночь...

– Рыжик, тебе плохо? – сочувственно спрашивал у неё Дима, но она только невнятно мычала что-то в ответ и махала на него рукой.

В конце концов Ася, обняв подругу за плечи, чуть ли не силой увела её в родительскую спальню и уложила на кровать, чтобы она немного проспалась. Нелька моментально провалилась в сон. В соседней комнате молодёжь превесело встречала Новый год – взрывала хлопушки и отплясывала под «Старые песни о главном», звучащие из телевизора. Нелька же ничего этого не слышала и не помнила...

Проснувшись она спустя пару часов от возни рядом. В спальне было темно, поэтому Нелька не сразу сообразила, что происходит. Шумное дыхание, расклеивающиеся звуки поцелуев, торопливый возбуждённый шёпот... Спустя мгновение она узнала эти голоса: они принадлежали Асе и Диме.

– Тише ты! – с досадой шипела подруга. – Мы не одни, не забывай.

– Да она не слышит, ты что! – горячо возражал Дима. – Спит как убитая, упилась...

«Это они обо мне!» – со стыдом поняла Нелька и замерла, боясь даже дышать, не то что шевелиться, чтобы не выдать своего пробуждения.

– А у меня всё равно ощущение, что нас в постели трое... – нервно отозвалась Ася. Затем они снова ненадолго замолчали, отвлекшись на поцелуи. Нелька с ужасом ждала, что будет дальше. Не собираются же они... заняться ЭТИМ... прямо здесь и сейчас? Нет, она этого не переживёт! За что ей такое наказание?

Возня рядом с ней усилилась, но потом Ася снова, судя по всему, вырвалась из жарких объятий своего бойфренда.

– Нет, Дим, я так не могу, – сказала она, не скрывая раздражения. – Как-то не по-людски всё... Постоянно следить, чтобы Нелька не проснулась?! Никакого кайфа.

– Вот ведь её угораздило! – сказал Дима чуть ли не с ненавистью. – А твою комнату Чернов с Василиной заняли, как назло... Что же теперь делать?

Ася еле слышно засмеялась.

– Отложим до следующего раза. Когда будет более подходящий момент...

– Ну Асенька... – забормотал он умоляюще и торопливо. – Ну пожалуйста... Давай всё-таки попробуем? Я так ждал этой ночи... готовился...

– Готовился, значит, – она снова тихо рассмеялась. – Ну, завяжи пока на бантик.

– Я люблю тебя, Ася, – сказал он, игнорируя её сарказм. Голос его звучал жалко и беспомощно. Нельке стало за него очень и очень стыдно – так, что она предпочла бы умереть, но не слышать его робкого заискивающего лепетания.

– Я тебя правда люблю, – повторил Дима. – Мы поженимся с тобой после школы, я обещаю...

Ася захохотала чуть ли не в голос, но тут же оборвала смех.

– Посмотрим, – отозвалась она уклончиво. – Я тебе, кажется, пока никаких обещаний не давала...

Она встала с кровати и вышла в другую комнату к остальным гостям. Дима некоторое время оставался сидеть, но затем тоже встал и, горестно и разочарованно вздохнув, последовал за ней.

Нелька лежала на кровати и беззвучно плакала. Впрочем, можно было уже не таиться – всё равно никто не услышал бы её рыданий из соседней комнаты, где продолжала греметь музыка. Но она всхлипывала тихонько, чуть различимо, глотая ртом воздух. Поскольку Нелька лежала на спине, слёзы стекали ей прямо в уши – это было холодно и очень неприятно.

– А давайте махнём на Красную площадь! – заорал какой-то раздухарившийся активист, и остальные поддержали его дружным рёвом. Затем кто-то ворвался в спальню, бесцеремонно растолкал Нельку и заявил, что она сейчас едет с ними гулять, поэтому пусть немедленно просыпается и одевается.

– А после Красной площади вернёмся и будем все вместе пить чай с тортом! – заявила сияющая Ася, пребывая в восторге от такого маленького, но «взрослого» приключения.

К счастью, былое опьянение уже окончательно сошло на нет – у Нельки хватило благоразумия никуда не срываться среди ночи, иначе бабушку хватил бы инфаркт. Она накинула шубку и выскользнула вместе со всеми из квартиры. Под шумок никто не обратил внимания на то, что Нелька с ними в итоге не поехала. Весёлая гомонящая компания друзей и так с трудом поместилась в лифте. Кабина устремилась вниз, наполнив весь подъезд радостными восклицаниями и взрывами хохота, а Нелька пешком поплелась к себе – на второй этаж, удручённо размышляя, спохватилась бабушка из-за её долгого отсутствия или пока нет.

Но вот чего она точно не ожидала – так это увидеть подругу. На подоконнике прокуренного лестничного пролёта между пятым и четвёртым этажами сидела заплаканная Рита.

– Ты чего здесь? – удивилась Нелька. Впрочем, вопрос был не совсем корректен – все три подружки жили в одном подъезде, поэтому она уточнила:

– И чего ревёшь?

– Мама... – всхлипнула Рита, по-детски утирая распухший красный нос рукавом. – Мама ко мне не приехала... Это первый раз, понимаешь?! Она всегда, всегда приезжала тридцать первого декабря, и мы встречали Новый год вместе... А сегодня она позвонила за полчаса до полуночи и сообщила, что находится на какой-то подмосковной турбазе со своими чокнутыми друзьями и уже не успевает добраться до города...

Нелька сочувственно засопела, не зная, что тут можно сказать. У каждой была своя беда, у неё и самой на душе скребли кошки...

– Может, пойдём ко мне? – предложила она нерешительным тоном, прекрасно отдавая себе отчёт в том, что бабушка убьёт её за подобное самовольство. К счастью, Рита лишь благодарно улыбнулась ей сквозь слёзы:

– Спасибо, но уже поздно... Старики мои будут волноваться. Я лучше домой – спать лягу. Как, кстати, у Аськи всё прошло? – спохватилась она.

– Да так... – Нелька неопределённо махнула рукой и отвела взгляд. – В общем-то, нормально.

Бабушка предсказуемо встретила её проверкой, чуть ли не с порога обнюхав. Спасибо Рите, которая выручила случайно завалявшейся в кармане жвачкой!

– Ты пила там алкоголь, Неля? – спросила бабушка строго и подозрительно.

– Ну что ты, ба, – моментально соврала внучка, не моргнув и глазом, и добавила для пущей убедительности:

– Мы все пили только сок и компот. С Новым годом! – и она поцеловала старуху в сухую щёку, а затем чмокнула и дедушку, который картинно возлежал на диване с томиком Толстого. Дома всё было степенно, привычно и скучно, как в каком-то чопорном английском семействе. Бабушка, встретив Нельку, тоже вернулась в гостиную и вновь включила поставленную на паузу видеокассету с записанным концертом классической музыки. Интеллигентный, «приличный» Новый год... Завыть с тоски хочется.

– Если ты голодна, то есть утка с яблоками и салат, – сообщила бабушка, не отрывая взгляда от экрана. – Но, впрочем, не советую особо наедаться. Уже третий час, будешь плохо спать. Вообще не понимаю этих новогодних традиций, когда люди обжираются до дурноты всю ночь напролёт...

– Я не голодная, – снова соврала Нелька, хотя у Аси не проглотила ни крошки.

– Тогда можешь умыться и ложиться спать, – милостиво разрешила бабушка.

Нелька на автопилоте добрела до ванной комнаты, почистила зубы, затем поплелась в спальню и рухнула в постель. Спать она не хотела, но спорить с бабушкой не хотелось тем более, да и сил на то что практически не было – она чувствовала себя совершенно разбитой. Девочка лежала в темноте, пялилась в стену, и голова была её совершенно пуста.

Около пяти часов утра она услышала телефонный звонок. Недовольная сонная бабушка сняла трубку и ворчливо сообщила, что Неля, конечно же, дома, но давно спит.

– Какой торт, какой чай, Ася, ты с ума сошла?! Взгляни на часы. И впредь, пожалуйста, избегай звонить нам в такое время. Даже в новогоднюю ночь, – строго отчитала она беспардонную подругу своей внучки.

Нелька перевернулась на живот, уткнулась лицом в подушку и снова тихонько заплакала.

Рита проснулась от бьющего даже в закрытые глаза солнца и со стоном схватилась за голову. Боже, какая боль... а во рту словно кошки нагадили. Ещё и тошнит!

Пара мгновений потребовалась на то, чтобы сориентироваться – она в гостинице Смоленска, помирает после вчерашней Асиной свадьбы. Похоже, Рита умудрилась травануться той поганой водкой – ведь пила она совсем чуть-чуть, это не может быть рядовым похмельем.

– Ну, как ты? – раздался рядом голос Нельки. Рита невольно отшатнулась в сторону и, скривившись от боли, сверлящей череп, умоляюще простонала:

– Не ори...

– Вижу, тебе совсем худо, – сочувственно протянула подруга. – Кофе хочешь? Могу заказать в номер.

– Мне бы цианистого калия, – выдохнула Рита, страдальчески морщась. – Впрочем, судя по самочувствию... именно его я и пила вчера. Кстати, как мы вообще добрались до гостиницы?

– Такси вызвали, – отозвалась Нелька. – Ты что же, совсем ничего не помнишь?

– Так, самую малость... какие-то обрывки.

– А как невесту украли, помнишь? – давясь смехом, спросила Нелька. – Это когда уже все вконец перепились...

Вкратце она рассказала подруге о событиях минувшей ночи.

Археологическая база располагалась возле почтовой станции восемнадцатого века, рядом с которой сохранились домик станционного смотрителя и бывшая конюшня. Севка, свидетель жениха, предложил шутки ради спрятать Асю в этой самой конюшне.

Как только Севка сообщил остальным о похищении новобрачной, началась самая настоящая заварушка. Мужчины схватились за грабли и принялись сражаться с командой похитителей. Севку даже немножечко пытали, делая вид, что собираются его придушить, но он не выдал местонахождения Аси. Пока взволнованный жених, тоже вооружившись граблями, ходил по окрестностям разыскивать пропавшую невесту, девушки-археологини тихо носили Асе в конюшню шашлык и водку, чтобы она не слишком грустила в одиночестве. В конце концов, когда Сергей отыскал-таки жену, она уже сама с трудом держалась на ногах и плохо справлялась с заплетающимся языком, но при этом по-прежнему оставалась оживлённо-жизнерадостной.

Кстати, самой стойкой к палёному алкоголю оказалась именно новобрачная, переплюнув даже собственного супруга.

– Бросать пить в такое время – это глупо, непатриотично и подло! – то и дело восклицал Сергей, снова и снова подставляя пластиковый стаканчик для новой порции этого жуткого пойла. Страшно было даже представить, сколько водки он выдул. Но в конце концов, утомился даже Серёга – к концу вечера он просто уснул в траве, благо что никто к тому времени уже не обращал на него внимания, кроме новобрачной. Ася же периодически вскакивала из-за стола с криком:

– Пойду проверю своего пьяного мужа! – и неслась к нему, спотыкаясь и падая на ходу, затем сваливалась рядом на траву, проверяла, спит ли он, снова вскакивала и бежала пить дальше.

– Так что ты многое пропустила, – усмехнулась Нелька. – Если честно, я до сих пор в шоке. Такой треш... хоть и весело. Эту адскую свадьбу я не забуду никогда.!

– Боже... – простонала Рита. – Я её тоже никогда не забуду. И зачем я только пила эту мерзость... Ведь и не ела толком ничего... Голова кружится и болит, и тошнит просто дико...

– Может, я сбегая в аптеку? – любезно предложила Нелька. – Куплю что-нибудь от отравлений.

– Ты сама-то как себя чувствуешь? Выглядишь как огурчик, – подивилась Рита. Нелька передёрнула плечами:

– Так я же и не пила совсем. У меня в стаканчике всегда была только вода. В этом бардаке никто не принимался и не присматривался.

– Какая ты, оказывается, мудрая женщина... – Рита снова обессиленно откинулась на подушку.

– Самое удивительное, археологи все тоже бодры и веселы, несмотря на количество выпитого, – усмехнулась Нелька. – Ася утром прислала смс, звала нас на продолжение банкета. Они там уже закупили новую партию водки и мяса, сейчас вовсю похмеляются – не иначе, второе дыхание открылось.

Не успела она помянуть имя подруги всуе, как та позвонила сама – действительно, совершенно жизнерадостная и активная.

– Ну что, вы приедете? – спросила она. – У нас шашлык пожарился и водка стынет!

Нелька покосилась на Риту – та состроила мученическую гримасу и сделала страшные глаза, еле заметно покачав головой.

– Извини, Ась, Ритка отравилась, – ответила она. – Я сейчас сгоняю за лекарством, а потом, если ей немного полегчает, просто выйдем прогуляться. Ты-то остаёшься на базе, а нам завтра с утра уезжать, хотим немного посмотреть город. Мы же его совсем не видели...

Ася, к счастью, не обиделась. Ей и так было весело и хорошо.

– Ну ладно... увидимся! – пообещала она. – Спасибо за всё, девчонки, в любом случае. Очень вам признательна, что вы смогли вырваться ко мне на свадьбу. Целовашки-обнимашки!

После принятого лекарства Рите и впрямь стало заметно легче. Она ожила, приняла душ, оделась и заявила, что умирает с голоду – на свадьбе нормально поесть им так и не удалось.

Подруги вышли из гостиницы и первым делом добрались до заведения под названием «Славянский дворик», которое приметили ещё накануне. Там подавали блюда русской, украинской и белорусской кухонь. Интерьер был соответствующий – хохлома и гжель, вышиванки и лапти, матрёшки и самовары, связки бубликов и деревянные расписные ложки настраивали посетителей на нужный «лубочный» лад.

После горячего куриного супа с лапшой, клюквенного морса и пирожков с капустой Рита вновь почувствовала себя полноценным и даже счастливым человеком. Нелька, тоже оголодавшая со вчерашнего дня, уписывала за обе щёки драники со сметаной и печёную картошку с квашеной капустой.

– Господи, хорошо-то как! – откинувшись на стуле, заявила наконец Рита. – Век бы так сидела и не шевелилась... Что-то мне уже даже гулять идти лень.

– Вставай, вставай, – со смехом возразила Нелька. – Нечего жирок копить, давай немного пройдемся.

– Слушай, ну неужели тебе и в самом деле интересны все эти достопримечательности типа церквей или крепостной стены?

Нелька смущённо улыбнулась.

– Ну... вообще-то да.

– А вот мне – ни капельки! – отрезала Рита.

– Ты просто зажралась красотами в своём Питере! – поддела подруга, но Рита только махнула рукой:

– Давай лучше закажем ещё что-нибудь, посидим здесь и вдоволь наболтаемся.

– Ладно, бог с тобой, – сдалась Нелька. – В конце концов, мы не так часто видимся... А в Смоленск я при желании могу сгонять без тебя, всё равно летом делать особо нечего. Тут и ехать-то всего ничего.

– Это дело! – одобрила Рита. – Ещё бы ко мне в Питер как-нибудь собралась... Вот тогда-то мы с тобой и нагулялись бы до одури!

– А ты когда возвращаешься? – спросила подруга.

– Наверное, через несколько дней. Обещала бабушке, что обязательно съездим с ней на дедову могилу – нужно там убраться, проверить всё – может, пора подкрасить оградку или ещё чего... Ну, и дача, конечно же. Фазенда, чёрт бы её побрал! – фыркнула Рита. – Как ненавидела её с детства, так до сих пор и трясёт... Но бабушка категорически отказывается про-давать участок. Я убеждаю её, что вполне могу помогать материально, чтобы она спокойно покупала все эти овощи, фрукты и ягоды на рынке, а не ишачила на грядках всё лето – в её-то возрасте... но куда там! Так что, пока не помогу ей собрать свежий урожай, об отъезде даже не заикаюсь.

Нелька сочувственно вздохнула.

– Ну, а мама как? Слышно что-нибудь от неё?

Ритины губы искривила язвительная усмешка.

– Мама капитально обосновалась в Гоа, в колонии таких же сумасшедших русских. Впрочем, они сами мнят себя просветлёнными и продвинутыми. Но как по мне – натуральные чокнутые фрики. Виза у неё давно просрочена, к тому же и паспорт потеряла – а может, сама сожгла или выкинула, с неё станется. Живёт там абсолютно нелегально, сегодняшним днём, но счастлива до ужаса. Вероятно, помимо йоги, медитации и вегетарианства, постигает также радости тантрического секса...

– А на что она там существует? – с недоумением спросила Нелька. – Не подаяниями же живёт?

– Я так понимаю, подрабатывает то здесь, то там. Йога-классы для прилетающих «пакетников» устраивает, ну и картинки рисует, у неё всё-таки Суриковский институт за плечами. Я не слишком разбираюсь в живописи, но по-моему, у неё неплохо получается. Кому красочный арамбольский закат загонит, кому портрет... К тому же, любовники у неё никогда не переводились – даже сейчас, когда за пятьдесят перевалило. Так что с голоду она точно не помирает. Присылает мне фотки иногда – такая загорелая, счастливая... Наверное, нашла своё идеальное место на земле. Даже приглашает приехать к ней погостить... представляешь, какова наглость? – она коротко посмеялась, но глаза при этом оставались совершенно ледяными.

– А как Олег? – Нелька тактично поспешила перевести тему на другое, понимая, что вопрос отношений с матерью для подруги является болезненным с самого раннего детства. Но оказалось, что и здесь она попала впросак: Рита совершенно не горела желанием обсуждать свои отношения с мужем.

– Всё по-старому, – отмахнулась она. – Постоянно ловлю его то с одной, то с другой бабой... прямо на нашем супружеском ложе, между прочим. Надо разводиться. Но не спрашивай больше не о чём! – торопливо добавила она, заметив округлившиеся Нелькины глаза. Та послушно прикусила язык.

– Ну, а ты как поживаешь? – Рита, наконец, заговорила не о своих делах, а о делах подруги.

– Да как... – растерянно, всё ещё переваривая услышанное об Олеге, ответила Нелька. – Работаю... Вернее, сейчас как раз не работаю, – спохватилась она, – у нас же каникулы.

Нелька преподавала английский и французский языки в престижном дорогом колледже для «новых русских». Вернее, само понятие «новый русский» к этому времени давно себя изжило – только анекдоты да воспоминания остались о малиновых пиджаках, золотых цепях, распальцовках и «конкретных» разборках. Однако большинство студентов колледжа, так или иначе, принадлежало семьям, которые сколотили своё состояние в период лихих девяностых.

Педагогика не была Нелькиным призванием, она прекрасно отдавала себе в этом отчёт. Поступила в институт только потому, что родные не поняли бы иного выбора. Все члены её семьи были учителями или преподавателями в вузах – не могла же она предать дело целого рода?!

Ей было трудно со студентами, трудно с коллегами-учителями и с начальством. Атмосфера неизменных склок, интриг и скандалов давила на неё буквально физически. Она чувствовала себя среди всего этого белой вороной. К ней тоже не особо тянулись – считали замкнутой гордячкой, поскольку она ни с кем не сближалась и оставалась закрытой, а всё, что непонятно – вызывает настороженность и подсознательное отторжение. Не в силах что-то изменить в своей жизни, Нелька покорно волокла лямку постылой работы и смирилась с тем, что ничего более интересного ей всё равно не светит.

В личной жизни тоже наблюдался полный штиль. Нелька уже привыкла к мысли о том, что навсегда останется старой девой – и это её даже не очень расстраивало. «Заведу дюжину кошек на старости лет, – шутила она невесело, – и будем вместе с ними бесить соседей!»

Домашние поначалу не высказывали беспокойства по этому поводу, но вскоре одинокий статус Нельки стал тревожить и их тоже, особенно маму и бабушку.

– В твоём возрасте, Нелечка, – навязчиво намекнула как-то бабушка, – я была беременна младшим братом твоего отца... а папе твоему в ту пору уже исполнилось семь лет. Не кажется ли тебе, что ты слишком... подзадержалась с этим делом?

– Да-да, доча, – с готовностью подхватила мать, – ты как-то побольше общайся со сверстниками, что ли. Ходи куда-нибудь, гуляй, развлекайся, ну что ты как нелюдима у нас.... Хочешь, я познакомлю тебя с сыном своей коллеги? Очень интеллигентный и приличный мальчик, тридцать семь лет, пишет диссертацию...

С Нелькой случилась самая настоящая истерика.

– Опомнись! – хохотала она. – Дорогие мои предки, я вас обожаю!!! Всё моё детство – всё! чёртово! детство! – вы целенаправленно ограждали меня от любых контактов с ровесниками. Меня не водили в детский сад, мотивируя тем, что там – рассадник заразы и вирусов. Не пускали в походы с классом – это же опасно! Почти никогда не разрешали ходить на школьные дискотеки – по вашему мнению, там только и делали, что тайком напивались и развратничали. Вы даже в лагерь меня ни разу не отправили, даже в компании с Асей и Ритой (которых, к слову, тоже едва терпели, зажав нос) – ведь там я могла покалечиться, утонуть, переломать руки-ноги или ступить на плохую дорожку. А теперь вы – ВЫ! – упрекаете меня в том, что я некомпанейский, замкнутый человек?! Ахаха!!!

– Неси валерьянку, – побледнев, приказала бабушка матери, наблюдая за хохочущей и одновременно вытирающей слёзы Нелькой.

Больше в семье вопрос дочкиного одиночества никогда не поднимался.

РИТА

Август девяносто шестого девчонки проводили врозь.

Нелька, традиционно остававшаяся на все каникулы в загазованной душной столице, в этом году получила шикарную возможность вырваться из привычной рутины. Родители взяли отпуск на целый месяц и сняли под Москвой дачу. Отец планировал приступить к написанию докторской диссертации, а мама должна была обеспечивать ему элементарный бытовой уход и питание. Нелька, по большому счёту, была предоставлена самой себе, но она не скучала на даче, проводя время за чтением книг, поеданием свежих ягод, фруктов и овощей, а также купанием в озере. К тому же, без круглосуточного контроля бабушки даже дышалось легче...

Ася укатила в Крым. Она каждое лето бывала на море вместе с родителями, но в этот раз у папы не получилось взять отпуск из-за большой загруженности на телевидении. Мама одна отправилась в санаторий – подлечиться «по-женски», а Асю определили в Артек, справедливо рассудив, что в лагере за их взбалмошной и сумасбродной дочерью будет осуществлён пусть не тотальный, но надлежащий присмотр.

Рита же, которая летом обычно ишачила на фазенде «попой кверху», вовлечённая в нескончаемую битву за урожай, тоже поехала отдыхать. Ей просто невероятно повезло в тот год: дедушка, как «ребёнок войны», в самый последний момент схватил на работе льготную путёвку в белорусский оздоровительный лагерь «Сказка». Причём урвал он её прямо перед носом своей коллеги, многодетной матери-скандалистки, которая настолько привыкла получать всё на халяву, что не сразу поняла, когда её обскакали.

Ух, какой скандал закатила она бедному старику!

– Мои дети каждый год отдыхают в этом лагере!!! – вопила она, страшно вращая белками глаз. – Вы у нас изо рта буквально кусок хлеба вырвали!

Дедушка поначалу пытался взывать к её разуму и справедливости: ведь его единственная внучка вообще ни разу не ездила в детский лагерь. Но мамаша, поняв, что ситуацию уже никак не переиграть, объявила его своим кровным врагом и, не стесняясь в выражениях, всячески распекала и поносила. Что удивительно, у неё даже образовалась своя группа поддержки среди коллег – тётки, дружно сочувствующие бедняжке, которую так подло оставил с носом коварный и злой старик. Дедушка вернулся домой обескураженным, потрёпанным и побледневшим, то и дело растирая левую сторону груди ладонью, и бабушка затем отпаивала его сердечными каплями... Но главное – заветная путёвка была у него в кармане!

За один день пройдя полный медосмотр, Рита самостоятельно упаковала купленный специально по этому случаю чемоданчик, предвкушая полную свободу – за пятнадцать лет своей жизни она впервые уезжала из дома одна, да ещё и на целый месяц сразу. Было страшно и дико весело. От волнения она не спала почти всю ночь накануне отъезда, боясь, что опоздает к отправлению, назначенному на восемь утра.

Чемоданчик был не единственной тратой. Бабушка, ворча, всё-таки выделила из их скромного бюджета немного денег для внучки: на новый купальник, босоножки и пару летних сарафанов. Она понимала, что негоже девочке ходить в старье среди таких модных ровесниц.

Ехали сначала поездом до Минска, а затем на автобусе до самого лагеря. Это небольшое путешествие показалось Рите невероятно захватывающим приключением. Даже поездка в плацкартном вагоне была в радость: в тесноте, да не в обиде, зато шумно, весело и песенно – кто-то захватил с собой гитару. Рита моментально передружилась со своими ровесниками, всю дорогу угощая их бабушкиными пирожками и малиной с дачи. Впрочем, домашними харчами делились все – и по ним легко угадывался социальный статус семьи. Кто-то хвастался бутербродами с бужениной и шоколадками «Сникерс», а кто-то скромно заваривал лапшу быстрого приготовления. Ритины ягоды и пирожки разлетались на ура, и она порадовалась про себя, что уступила бабушке, хотя поначалу вовсе не хотела переть с собой такой огромный пакет еды – ей казалось, что все начнут над ней смеяться и показывать пальцем: «Эй, с голодного края, куда столько набрала?!»

Лагерь с первых же минут привёл её в восторг. «Сказка» располагалась в дремучем сосновом бору Белоруссии. Свежий хвойный воздух, чистая речка с пологим дном и песчаным пляжем, здоровое питание четыре раза в день, увлекательный досуг – о чём ещё можно было мечтать обычному школьнику?

Рита категорически отказывалась понимать других девочек из своего отряда, которые куксились, скучали по дому, писали родителям слезливые письма и мечтали о скорейшем окончании смены. Они воротили нос от столовской еды, по утрам возле умывальников дружно клацали зубами и жаловались на холод, а также кривились на любую попытку вожатых выстроить в отряде некое подобие дисциплины, полагая, что уже выросли из детсадовских штанишек и никому не должны позволять командовать собою. Всё казалось им глупостью, достойной лишь малышей: и названия отрядов («Дружба», «Юность», «Олимпийцы»), и пафосно-наивные девизы («Дружить всегда, дружить везде, дружить на суше и в воде»; «Всегда стремиться

только ввысь и никогда не падать вниз»; «Солнце в ладонях, сердце в груди, гордая юность всегда впереди»). В пятнадцатилетних здоровых девах уже бушевали подростковые гормоны, и они вовсю кадрили своего вожатого Виталия Романовича – беззастенчиво строили ему глазки, кокетничали, надевали провокационную одежду, демонстрирующую ноги и грудь.

С младшими отрядами было не в пример легче. Рита видела, с каким воодушевлением дети маршируют по лесным тропинкам, громко выкрикивая свои нехитрые речёвки:

- Раз, два!
- Три, четыре!
- Три, четыре!
- Раз, два!
- Кто шагает дружно в ряд?
- Развесёлый наш отряд!
- Кто устал?
- Не уставать!
- Кто отстал?
- Не отставать!
- Настроение на «пять»!
- Все законы выполнять!
- Песню-ю запе-е-вай!!!

Будь Рита помладше на несколько лет, она тоже с большим удовольствием присоединилась бы к этим весёлым шествиям и поорала бы вместе со всеми. Она вообще была готова заниматься всем, чем её только ни попросят: стенгазету нарисовать? Пожалуйста! Девиз для отряда придумать? Легче лёгкого! В столовой подежурить? С превеликой радостью!

Во время дежурства нужно было помогать поварихам чистить картошку, протирать столы, затем разносить порции и даже вытряхивать чужие объедки из тарелок, но Риту это ничуть не напрягало. Зато дежурные садились есть раньше других и могли накладывать себе дополнительные порции котлет, сосисок и булочек, а также пить вкуснейший фруктовый кисель без ограничений. Рита обожала эти дежурства, и столовая казалась ей райским местечком. Даже запахи пригоревшей рисовой каши на молоке, тушёной капусты и скисших в горячей воде тряпок для протирания столов не казались ей отвратительными.

По ночам в лагере традиционно вполголоса рассказывались страшилки.

От них холодела кожа на затылке не только у малышей, но и у взрослых ребят из первого отряда, хоть и стыдно было признаваться в этом вслух. Рита куталась в одеяло, как в кокон, боясь высунуть даже пятку – настолько живо воображала себе кикимору, которая в сумерках выбирается из своего болота и бродит по лагерю, совсем рядом: выискивает зазевавшуюся беззащитную жертву, чтобы впиться в неё длинными кривыми зубами... Она подходит к их корпусу, шлёпает мокрыми босыми ногами по крыльцу, прижимается лицом к окну и всматривается, кто есть в комнате... Внутри ей не проникнуть, но встретиться глазами с мертво-хищным взглядом, увидеть прилипшие к стеклу влажные космы – тоже удовольствие ниже среднего.

Однажды и в самом деле кто-то огромный, бесформенный и страшный появился за окном снаружи и легонько постучал по раме – раз, два, три... Девчонки завизжали так, что перебудили весь лагерь. Оказалось, на территорию забрался любопытный лосёнок и разгуливал в потёмках между корпусами, тыкаясь глупой большой башкой в окна.

Впрочем, животный мир белорусского леса вообще был потрясающе разнообразен. По территории лагеря свободно и беззастенчиво шныряли белки, ежи и даже зайцы. За территорией, поговаривали, водятся рыси, волки и медведи. А Рите в первые же дни пребывания в лагере удалось столкнуться практически вплотную с самим кабаном...

Дело было во время похода за лекарственными растениями и травами. Виталий Романович уверенно вёл свой отряд по лесным тропам, приказывая никому не отбиваться от коллектива, чтобы не заблудились. И надо же было случиться такому, что Рита захотела в туалет по-маленькому. Она подговорила свою приятельницу по отряду Светку быстро сгонять «в кустики», и девчонки незаметно отстали от компании.

Убедившись, что никто не может увидеть их в этой глуши, они присели в каких-то зарослях. Неподадёку то и дело раздавались странные побрякивающие звуки, но девчонки решили, что это утки. Не успела Рита толком расслабиться, как подняла голову и... наткнулась на взгляд напротив. Кто-то пристально наблюдал за ними из кустов. Маленькие тупые глазки буквально буравили их со Светкой насквозь.

Похолодев, Рита перевела взгляд чуть ниже уровня этих злобных глаз и увидела торчащие из кустов клыки.

«Кабан!» – сообразила она, моментально покрываясь мурашками. Теперь ей стало ясно, что криканье рядом издают вовсе не утки – это хрюкали кабанята. Вероятно, девчонки потревожили пристанище самки с детёнышами.

Кусты предостерегающе затрещали. Тут, наконец, и Светка подняла глаза, сообразив, что происходит что-то не то.

– Кабаниха, – шепнула ей Рита одними губами. – Валим отсюда!..

Как они бежали!!!

Даже трусы пришлось натягивать буквально в полёте – было не до церемоний. Больше всего на свете Рита боялась ощутить удар клыков в свой мягкий незащищённый зад. Она интуитивно догадывалась о том, как опасны разъярённые матери, защищающие потомство.

Отряд они нагнали довольно быстро. К счастью, вожатый даже не заметил их отсутствия. Но отныне девчонки предпочитали кучковаться вместе со всеми и не удаляться даже на пару шагов.

Каждые два дня для старших отрядов устраивались дискотеки.

Девчонки менялись одеждой, без сожалений одалживая своё – поднадоевшее, а также помогали друг дружке сделать настоящий «вечерний» макияж и причёски. После всех этих священнодействий они ощущали себя настоящими красавицами. На самом-то деле, с точки зрения взрослого человека это выглядело просто кошмарно: тонны фиксирующего лака на волосах, чёлки «Карлсон», ярко-фиолетовые тени на веках, слипшиеся от дешёвой туши ресницы и губная помада самых невероятных оттенков. А наряды!.. Разноцветные лосины с футболками, спортивные костюмы, узкие джинсовые и широкие плиссированные юбки, шёлковые блузки с огромными накладными плечами...

На Риту с первого же дня стал заглядываться мальчик из её отряда, минчанин Петя Коломиец. Ей льстило это, потому что она вообще не была избалована вниманием противоположного пола. Правда, комплексов, как Нелька, она нажить ещё не успела, но всё-таки в компании несравненной Аси смешно было надеяться на то, что кто-то проникнется симпатией именно к ней. Не то чтобы Рита страдала и убивалась по этому поводу – в её жизни как-то не было места мальчишкам, но именно в лагере она вдруг осознала, что по сути, является симпатичной юной девушкой, которая, оказывается, может нравиться не менее симпатичным и классным парням.

На дискотеках её наперебой приглашали мальчишки из отряда. До лагеря Рита никогда не танцевала парных танцев с кавалерами, но зато у неё была великолепная пластика – уже третий год подряд она занималась хореографией. Ей очень нравились танцы, и самое главное – у неё были к ним несомненные способности. Петя решился на «медляк» не сразу, но когда всё-таки подошёл к ней и протянул руку... Ей показалось, что она сейчас взлетит от восторга, расправив невидимые крылья. Во время танца (Рита на всю жизнь запомнила, что тогда играла

песня «Нелюбимая» в исполнении группы А-Студио) они не сказали друг другу ни слова, но девочка была уверена, что в следующий раз он обязательно снова её пригласит и решится на что-то большее, чем просто положить руки ей на талию. Может быть, даже попытается её поцеловать?.. От этой мысли ей становилось жутко и весело, и что-то смешно щекотало в животе.

Очередная дискотека была назначена на воскресенье, которое совпадало с родительским днём. Рита никого не ждала – она знала, что едва ли бабушка с дедом поедут аж в Белоруссию, чтобы на пару часов повидать внучку. Конечно, было немного завидно, что другим привозят домашние разносолы, колбаску, фрукты и газировку, но она привыкла относиться к жизни философски и не грустить понапрасну о заведомо несбыточном.

К великому Ритиному удивлению, когда после завтрака она сидела в одиночестве и листала взятую в местной библиотеке книгу, в комнату заглянула девочка из их отряда.

– Кочеткова! – окликнула она. – Иди скорее в беседку возле столовой, тебя там ждут.

– Зачем? – не поняла Рита.

– Приехали к тебе! Родительский день же, – пояснила девчонка, как несмышлёнышу.

Но яснее от этого не стало – напротив, Рита ещё больше вытаращила глаза.

– Приехали?! Кто?

– Ну, а я знаю? Мать, наверное, – она пожала плечами.

Рита вскочила с кровати, как ошпаренная; книжка полетела на пол.

– А ты не ошиблась? – проверила она на всякий случай.

– Ну, ты же у нас одна Ритка Кочеткова. Значит, никакой ошибки!

С бешено колотящимся сердцем Рита поспешила к зелёному двухэтажному корпусу столовой. Беседка была расположена как раз напротив центрального входа, рядом с гипсовой статуей, оставшейся с советских времён и изображающей трубящего в горн пионера. Внутри беседки можно было разглядеть одинокий женский силуэт. Рита сразу же узнала мать, хотя расстояние было ещё слишком велико. Но она не могла перепутать этот знакомый наклон головы, эту неброскую скрытую грацию изящной фигуры, эти выющиеся локоны ни с чьими другими...

Девочка почему-то очень испугалась. Она знала, что едва ли мать приехала к ней просто так: вероятно, что-то случилось, без повода она в лагерь и не сунулась бы. Они не виделись с ней около полутора лет – аккуратно с позапрошлого Нового года, и Рите казалось, что она совсем отвыкла от мамы и больше не испытывает зависимости от их кратковременных встреч. Однако сейчас, приближаясь к беседке на ватных ногах, она чувствовала, как трясутся все её поджилки и захлёбывается от страха заикающееся сердце.

Полина Кочеткова обернулась, словно почувствовав её присутствие. Глаза матери и дочери встретились. Рита остановилась, будто их перекрещенные взгляды лишили её последних сил.

– Ритуля... – жалко скривив губы, выговорила мать и поднялась ей навстречу. – Девочка моя, у нас такое горе, такое горе... Дедушка умер.

Рита молчала.

– Сердечный приступ, – робко продолжила мама. Она медленно приближалась к дочери и заискивающе заглядывала ей в лицо, словно боясь, что Рита вот-вот сорвётся с места, как вспугнутая дикая лань, и бросится прочь.

Рита продолжала стоять, где стояла, и хранить молчание, как партизан на допросе. Нет, она слышала маму, осознавала принесённую ею горькую весть, понимала весь масштаб трагедии... но ещё не сообразила, как нужно правильно реагировать. Она впервые столкнулась со смертью близкого человека, и её просто не научили, не подготовили к тому, как следует себя вести.

Мама протянула было руку, чтобы коснуться дочкиного плеча – возможно, притянуть к себе, обнять, заплакать по-человечески... Но Рита не подалась ей навстречу, и лицо её продолжало оставаться неподвижным, словно маска. Рука матери безвольно упала.

– Бабушка не хотела тебя тревожить, говорила, что тебе лучше остаться в лагере и спокойно отбыть смену до конца. Она очень оберегает тебя от волнений... Но я настояла на том, чтобы поехать за тобой. Мы всё-таки семья... Ты должна присутствовать на похоронах.

И вот тут Рита поняла, что её душу до самого доньшка наполняет жгучая, чёрная, ядовитая ненависть к матери. Эта эгоистка очень вовремя вспомнила о том, что они, оказывается, семья!.. Святоша, которая годами могла не появляться в родительском доме, наплевав и на стариков, и на собственную дочь!..

Рите было очень жалко дедушку. Она не представляла, как теперь они заживут без него, это было просто за пределами её воображения. Но в то же время она не могла простить матери этой фразы: «Бабушка не хотела тебя тревожить, но я настояла». Да она готова была поклясться, что мать вызвалась поехать в лагерь только потому, что не хотела обременять себя предпохоронной волокитой, взвалив тягость всей этой траурной суеты на бабушку. А ещё... возможно, так думать было эгоистично и мерзко, но мать силой выдернула её из сказки, не дав толком насладиться ею. Рите невыносимо было думать о том, что придётся покинуть лагерь. Здесь она впервые почувствовала себя счастливой и по-настоящему живой, дышащей полной грудью... А ведь прошла всего-навсего неделя с момента отъезда! И сейчас её так грубо и бесцеремонно возвращают с небес на землю.

Мама отправила её собирать вещи, а сама тем временем переговорила с отрядными водителями. Затем они все вместе зашли к начальнику лагеря, чтобы ввести его в курс дела. Рита мрачно сидела в кабинете на краешке кожаного кресла и продолжала угрюмо молчать. Впрочем, никто не лез к ней с расспросами – люди понимали, что у девочки горе. На самом-то деле, Рита не столько горевала, сколько со злостью отмечала, что её красавица-мать по-прежнему умудряется произвольно очаровывать всех – от мала до велика. От Полины Кочетковой явно были без ума и водителю Виталию Романович, моложе её лет на пятнадцать, и даже лысый начальник лагеря, по возрасту, скорее, годившийся ей в отцы, а не в кавалеры.

– Если вам угодно, – любезно предложил начальник, – мы оставим за Ритой её законное место. Девочка может вернуться в лагерь в любой момент, пока не окончится смена.

Мать изобразила кроткую скорбную улыбку.

– Спасибо вам, милый Афанасий Николаевич, но вряд ли мы воспользуемся вашим предложением. Не думаю, что возвращение в лагерь... – она запнулась, подбирая подходящее определение, – будет уместным в данной ситуации. Нам ведь сейчас не до отдыха и веселья... правда, Ритуля? Она уже большая, она и сама всё понимает.

Рита промолчала, продолжая ещё больше ненавидеть мать – кипучей, яростной ненавистью. Само собой, она не вернулась бы в «Сказку», даже если бы ей предложили. Она просто не может оставить бабушку в такой беде... Но мать даже не спросила её мнения на этот счёт. Она всё решила сама. По какому такому праву?! Господи, ведь Рита была всего-навсего пятнадцатилетней сопливой девчонкой, по сути – ребёнком, который и не знал толком, что такое счастливое детство...

У начальника лагеря они пробыли не очень долго: мама торопилась успеть на автобус в Минск, откуда вечером, с железнодорожного вокзала, отходил их московский поезд.

Всю дорогу, которая длилась чуть ли не сутки, Рита не перемолвилась с матерью и парой слов. Она просто замкнулась в своём молчании, отгородилась непробиваемой стеной. К счастью, мама не пыталась лезть в душу. Может, понимала, что чувствует сейчас девочка, а может, ей было просто наплевать.

В первый и последний раз Рита зарыдала по бабушке, когда они с матерью, наконец, оказались дома. Они поспели аккурат к выносу тела. Увидев в гробу посреди комнаты ссохшееся тело какого-то чужого старичка, не имеющего ничего общего с её энергичным и пышущим здоровьем дедом, она кинулась в объятия к бабушке. Та тоже выглядела непривычно, как незнакомка – в чёрном платке, покрывающем седые волосы, в тёмном строгом платье, со скорбно поджатыми губами и исплуканными глазами. Но всё-таки это была бабушка, родная и любимая, и пахло от неё знакомым с младенчества уютным запахом, поэтому Рита с облегчением уткнулась в мягкую грудь старушки и наконец-то разревелась, как маленькая.

Поездка на кладбище прошла для девочки, как в тумане. Она почти ничего не запомнила: ни как играл оркестр похоронной процессии, ни как произносили прощальные речи, ни как бросали в могилу комья земли, ни как закапывали яму.

Поминальный обед устроили прямо в квартире.

Бабушка и добровольные помощницы из числа сердобольных приятельниц-соседок напекли блинов с пирогами, сварили огромные кастрюли щей и компота из сухофруктов. Кутью приготовили в столовой бывшей дедушкиной работы.

Дверь то и дело открывалась и закрывалась, входили коллеги деда, товарищи и соседи. Рита с удивлением обнаружила среди гостей даже бабушку и дедушку Нельки – обычно старики не жаловали друг друга. Дедушка Риты при жизни презрительно пофыркивал в сторону такого интеллигентного Нелькиного деда, считая, что тот слишком уж кичится своей образованностью – подумаешь, белая кость, классику читает, рыбу без специального ножа есть не может!.. Но большей частью Рита всё-таки не понимала, кто все эти люди, которые толклись в их тесной квартирке возле накрытого стола, во главе которого стояла большая фотография дедушки в траурной рамке, а рядом с ней – стакан, покрытый сверху куском хлеба.

Чужаки шумно и даже оживлённо переговаривались между собой, жевали блины, макая их в блюда с янтарным мёдом, и жадно запивали еду водкой. Больше всего раздражала почему-то одна из дедушкиных коллег – неуместно визгливая, заполошно-суетливая, с мышиными глазками тётка. Девочке было невдомёк, что это та самая многодетная мамаша, из-за которой у деда вышел конфликт по поводу путёвки в лагерь. Тётка, видимо, имела все основания полагать, что именно её скандальность могла послужить косвенной причиной сердечного приступа покойного, и сейчас пыталась построить из себя искренне скорбящего товарища по работе. При этом она не забывала хватать с блюда всё новые и новые куски пирога с рыбой и рисом, а затем, воровато озираясь, запихивала их в сумку – для своего многочисленного потомства.

Рита жалась к бабушке и почти не притронулась к еде.

– За дедушку... съешь хоть немного, помяни его, – прошептала старушка, утирая вновь выступившие слёзы платочком и подкладывая внучке на тарелку блин. – И компотику выпей...

Рита не понимала, что значит «помяни» – она и не думала забывать деда, кому и зачем нужны были доказательства её памяти в виде количества съеденной пищи?.. Но перечить бабушке не хотелось, и она покорно жевала, не чувствуя вкуса.

Тут она увидела, что сквозь толпу к ним протискивается мать, виновато улыбаясь. «Ну, чего ещё отчебучит?» – подумала Рита устало.

– Мам, я поеду, наверное... – сказала Полина, пряча глаза. – Всё равно от меня больше нет проку. Рита поможет посуду помыть и со стола убрать, да и соседки тебя сегодня не оставят. А мне домой надо. Столько дел накопилось...

– Бессердечная ты, Польша, – сказала бабушка, но голос её был не осуждающим, а совершенно бесцветным. Она махнула рукой, словно давая своей непутёвой дочери окончательную вечную вольную:

– Ступай себе! Скатертью дорога...

Рита ужасно обрадовалась. В глубине души она боялась, что теперь, после дедушкиной смерти, мать заберёт её с собой – а ей этого совершенно не хотелось. Она давно выросла из своих глупых детских мечтаний и понимала, что ближе и дороже бабушки у неё нет никого на свете. Тем более, Рита не могла сейчас оставить старушку наедине с этим страшным несчастьем.

Мать, похоже, тоже обрадовалась, что её так легко отпускают – без слёз, условий и обещаний. Каким-то внутренним чутьём она догадалась, что ждать традиционного денежного подношения в этот раз ей точно не стоит, а значит – ничего больше её здесь не задерживает, пора ретироваться.

– Ну... – пробормотала она, не зная, что ещё сказать. – Вы уж тут держитесь.

А через секунду и след её простыл.

АСЯ

В Артеке у Аси вдруг возникла жгучая потребность делиться своими мыслями с близкими людьми, и за смену она настрочила просто невероятное количество писем.

Асины послания летели в Москву чуть ли не каждый день – благо, она взяла с собой в лагерь достаточное количество конвертов с марками и чистую бумагу.

Она писала отцу на домашний адрес и матери на адрес санатория. Нельке на дачу и Рите в «Сказку». Своему руководителю по кружку юных журналистов, а также редактору газеты, в которой подрабатывала – пересылала заметки о весёлой лагерной жизни, о трёхчасовом восхождении на Медведь-гору, о морских прогулках на кораблике...

Единственный человек, которому Ася не удосужилась отправить ни строчки, был Димка. Просто не могла себя заставить – у неё не получалось выжать из себя ни словечка. Вернее, она знала, что с лёгкостью могла бы написать ему: «Мы должны расстаться». Но, какой бы эгоисткой Ася ни была, элементарное чувство порядочности требовало отложить этот разговор на потом, до личной встречи, а не отделяться эпистолярным жанром, как в дурном сентиментальном романе.

Димка же, не подозревая о крепко засевшей в её голове идее разрыва (а может, как раз наоборот – догадываясь), непрерывно забрасывал Асю истерично-любовными посланиями. Он сам находился сейчас в каком-то спортивном лагере, то есть не столько отдыхал, сколько тренировался до изнеможения. И всё-таки перед сном, приняв душ и добравшись до казённой койки, он находил в себе остатки сил, чтобы черкнуть любимой девушке тревожное письмецо: как она там? почему не отвечает? всё ли с ней с порядком? и скучает ли она по нему так же сильно, как он по ней?..

Асю давно начали тяготить эти отношения. Они встречались уже два года, и бывшая острота ощущений постепенно сошла на нет – во всяком случае, у Аси. Она совершенно охладела к Димке, и его серьёзные планы на их будущую совместную жизнь не на шутку пугали. Избавь бог, она не хотела выходить замуж и рожать от него детей!.. Он был хорошим, милым, приятным парнем из приличной семьи, достаточно образованным и в меру остроумным, но абсолютно не был создан для яркой жизни – той, о которой мечтала Ася. Ему для этого банально не хватало воображения...

Оживлённой переписки в итоге не вышло ни с кем.

Подруги отчего-то не спешили ей отвечать. Рита написала только один раз – из белорусского лагеря, полная восторгов и предвкушений, а затем капитально пропала. Очевидно, лагерная жизнь захватила её целиком: в конце концов, она ведь никогда раньше не уезжала из дома, и сейчас ей просто слегка снесло крышу от счастья. Ася относилась к этому со снисходительным пониманием. Нелька же отделялась скупыми отписками – всё хорошо, отдыхаю,

купаюсь в озере, пью парное молоко, катаюсь на велике с деревенскими ребятами, до встречи в сентябре. «Наверное, до сих пор дуется на меня за Димку, – предполагала Ася, не чувствуя, однако, за собой большой вины. – Господи, да если бы он переключил своё внимание на неё, я бы только счастлива была!»

Мама обстоятельно и занудно перечисляла все медицинские процедуры, которые проходила в санатории, а также блюда, которые подавали в местной столовой, и своих соседей по столу. Ася морщилась, пробегая глазами эти скучные письма, и терялась – что тут можно ответить?..

Отец вообще ни разу не написал.

Редактор газеты известил Асю о причитающемся ей гонораре и просил после возвращения из Артека непременно забежать в редакцию.

Руководитель кружка юных журналистов загрузил её новыми заданиями до конца лета.

Вот, в общем-то, и всё общение...

Впервые в жизни, находясь среди толпы, Ася остро чувствовала своё одиночество. Девчонки из отряда недолюбливали её – не нужно было даже обладать особой наблюдательностью, чтобы заметить это. Впрочем, женская недоброжелательность, шедшая рука об руку с завистью, и раньше была знакома Асе. В Москве сверстницы тоже обычно сторонились её, считая самовлюблённой зазнайкой и выскочкой, в глубине души зверски, отчаянно завидуя. Но дома у неё неизменно была поддержка верных подруг, Риты и Нельки... Здесь же, в Артеке, никто из девчонок не хотел дружить с ней, принимать в свою компанию, обмениваться косметикой, не говоря уж о ведении задушевных разговоров и посвящении в сердечные секретики. Ася видела, как они шушукаются по углам, бросают на неё косые многозначительные взгляды и обливают высокомерием, но, конечно же, не подавала виду, что глубоко уязвлена таким отношением. Напротив – чем холоднее с ней держались девочки, тем заливистее и беззаботнее она хохотала, а затем мстила единственно доступным ей способом: очаровывала всех мальчишек без разбора. Это, к слову, порождало новые причины для ненависти – многие девчонки страдали, видя, как нравящиеся им мальчики поголовно сходят с ума от прекрасной Аси.

Вдохновляясь примером своей любимой книжной героини Скарлетт О`Хара, Ася кружила головы всем подряд. Неважно, что ни один из кавалеров всерьёз ей даже не нравился! Но как же приятно было осознавать тот факт, что за один её взгляд или поощрительный жест ухажёры моментально кинулись бы в драку друг с другом. Она целовалась с мальчишками в укромных аллеях лагеря до того, что опухали губы; собирала урожай восхищённых взглядов на пляже, а также во время игры в волейбол или теннис. Ася носилась туда-сюда по спортивной площадке в коротких шортиках и форменной голубой рубашечке, которая не скрывала, а подчёркивала пару тугих молодых грудок, а её золотистые волосы развевались по ветру и переливались в лучах южного солнца, словно нимб. Она была юная, соблазнительная, дразнящая и беспечная, как воплощение самой юности. Пацаны наперегонки ныряли Асе за ракушками, дарили крымские камешки редких причудливых форм и цветов, таскали ей из столовой заныканые персики. Да что там мальчишки-сверстники, если Ася нередко ловила на себе даже заинтересованно-восхищённые взгляды вожатых!

С одним из них – двадцатилетним парнем по имени Женя – Ася и решила лишиться девственности. В том, что Женя в конце концов не устоит перед её чарами, она не сомневалась: глаза его так и вспыхивали, когда он видел Асю на пляже, и он с трудом сдерживался, чтобы слишком откровенно не пожирать взглядом её стройное гибкое тело.

Ей же самой это нужно было по нескольким причинам.

Во-первых, насолить противной вожатой Люсе, которая взяла моду разговаривать с Асей свысока, этак снисходительно-покровительственно, как с малолетней дурочкой.

– Безрукова, – бубнила она гнусавым голосом, – ты почему бездельничаешь во время уборки территории?.. Безрукова, кто разрешил тебе снимать панаму?.. Надень сейчас же, солнечный удар заработаешь, а мне отвечать!.. Безрукова, подъём не для тебя объявили?! Сколько можно валяться в кровати!..

Ася видела, что вожатка по уши влюблена в Женю, однако тот даже не смотрел в сторону коллеги с её тяжелозадой приземистой фигурой, вечно взъерошенными волосами мышиного цвета и носом-картошкой. Люся отчаянно ревновала, неумело скрывая свою ревность, и Ася не без садистского удовольствия ловила эти завистливо-тоскливые взгляды в моменты, когда Женя к ней приближался.

Во-вторых, потеря невинности с вожатым являлась решающим поводом для окончательного, полного разрыва с Димкой. По возвращении в Москву она могла предъявить ему этот факт как козырь – Димке останется только принять, как данность, смириться и оставить её в покое – во всяком случае, она очень на это рассчитывала.

Ну, а в-третьих, ей просто было интересно, как это всё происходит – в постели между двоими. Она свято верила в то, что поступает правильно: лучше уж сделать это не с юным телёнком, ослотившим от своей первой любви, а со взрослым, красивым и наверняка опытным парнем.

Оставалось только выбрать подходящий момент и место... А вот с этим возникали вполне конкретные и нешуточные затруднения.

Вожатые несли огромную ответственность за каждого ребёнка из своего отряда, буквально головой отвечая за жизнь и здоровье подопечных. Техника безопасности и тотальный контроль в Артеке были намного выше, чем в других детских оздоровительных лагерях. Доходило до абсурда: к примеру, во время купания в огороженном пятачке моря дети не имели права нырять или даже просто окунаться с головой. Вожатые, стоя в воде по щиколотку, строго следили за этим. Дети, конечно, всё равно нарушали данный запрет, и приходилось бесцеремонно вытаскивать их из моря буквально за уши. На выездных экскурсиях артековцам дозволялось покупать только одну бутылочку газировки и одно мороженое, не больше. Кроме того, педагогам запрещалось танцевать на дискотеках медленные танцы с детьми – за этим зорко следили старшие вожатые, и все попытки строго пресекались решительным тоном и ледяным взглядом.

В случае с Асей перед Женей вставала дилемма «и хочется, и колется». К тому же, распорядок дня педагогов во всех лагерях Артека был не просто жёстким, а крайне жёстким, так что времени на личную жизнь ни у кого практически не оставалось.

Уже в половине восьмого утра начиналась планёрка, поэтому вставать вожатым приходилось не позднее шести часов – ведь на то, чтобы добраться от взрослого общежития до своего лагеря, требовалось определённое время. Не всем повезло оказаться в шаговой доступности от детских корпусов. До некоторых лагерей из общежития приходилось топать в гору аж пять километров. Ложились же они не раньше двух часов ночи, потому что так называемые вечерние планёрки на практике растягивались до бесконечности.

Вожатские общежития представляли собой комнаты казарменного типа на восемь человек, с двухъярусными кроватями и одним общим душем на весь этаж. Организовать свидание в таких условиях было практически невыполнимым, нереальным делом. Не говоря уж о том, что девушкам в принципе был строго запрещён вход в комнаты к парням, и наоборот. Окна многих комнат попросту заколотили досками, чтобы помешать проникновению нежеланных гостей.

Разумеется, молодость брала своё, и ребята-вожатые ухитрялись как-то устраивать свою личную жизнь. Многие снимали жильё за пределами лагеря, в Гурзуфе – однушка на двоих-троих человек обходилась не так уж и дорого, даже с учётом мизерной зарплаты вожатых.

В конце концов, Жене удалось сговориться с приятелем Володей, тоже артековским вожатым, который снимал комнату в посёлке. Тот великодушно предоставил ему своё жилище на ночь и обещал перекантоваться у друзей, чтобы не мешать любовным утехам сладкой парочки. Но даже Володе Женья не смог признаться в том, кто именно была его дама сердца – понимал, что за отношения с воспитанницей никто по голове его гладить не станет.

Собственно, он и в Асе не был уверен на сто процентов – она до последнего момента морочила ему голову, то обещая прийти, то говоря, что подумает, поддразнивала и смеялась, отчего он просто сходил с ума.

– Как ты ухитришься выбраться из корпуса незамеченной? – спрашивал он в тревоге, что она проболтается кому-нибудь об их отношениях.

– Это моя забота, – отмахивалась она. – Раз я сказала, что смогу – значит, смогу!

Ася действительно не подвела. Ровно в полночь, как они и договаривались, Женья услышал её лёгкие шажки – она торопливо подбегала к условленному заранее месту встречи. Вожатый резко схватил девчонку за руку и потащил за собой. Ему не терпелось поскорее незаметно покинуть опасную территорию, где их могли бы застукать вдвоём.

– В Гурзуфе надо будет ещё в магазин заскочить, – сообщил он деловито, – и купить чего-нибудь поесть... Я голодный, как волк.

– Ну ты даёшь! – рассмеялась Ася. – Недавно же был второй ужин, сколько можно жрать!..

– Что бы ты понимала, – Женья даже слегка обиделся. – Это только у вас, детей, питание пятиразовое. А для вожатых лишь завтрак, обед и ужин, причём ужин в семь часов вечера. То есть, последний раз мы ели целую вечность назад. Желудок уже песни распевает, если хочешь знать...

В круглосуточном ларьке он купил бутылку шампанского, банку консервов, хлеб, сыр и килограмм яблок.

– Мы будем пить шампанское и закусывать его бычками в томате? – развеселилась Ася. – Какая прелесть!

Женья постарался не обращать внимания на её сарказм. Ключи от Володиного обиталища позвякивали в кармане брюк и наполняли голову приятными эротическими фантазиями.

Что касается Аси, то если у неё и были какие-то возвышенные ожидания – они тут же испарились при виде той комнаты, в которой ей предстояло провести главную ночь своей жизни.

– Полный мрак! – вырвалось у неё невольно, пока она окидывала взглядом засранную убогую комнатуху. Тонкая и хлипкая, практически картонная дверь; древняя кровать и такой же дряхлый шкаф; пол и стены в грибок – страшно было разуваться и ходить босиком.

– А... удобства? – выговорила Ася с запинкой, и даже ничуть не удивилась, услышав в ответ:

– Во дворе.

Кровать не была заправлена; Ася бросила на неё быстрый взгляд и поняла, что не сможет лечь на это постельное бельё даже под страхом смертной казни. Выражение её лица было таким красноречивым, что Женья виновато побагровел и буркнул:

– Сейчас поменяю.

Он распахнул дверцу шкафа и принялся рыться на полках. С облегчением обнаружив дополнительный комплект, торопливо расстелил его на кровати и обернулся на Асю, словно ожидая одобрения своим действиям.

Бельё, кажется, было чистым – во всяком случае, пахло от него стиральным порошком, но всё равно оно имело крайне жалкий вид: застиранное и потрёпанное, с невыведенными желтоватыми пятнами. «Интересно, сколько парочек повидала эта простыня на своём веку?» – пронеслось в голове у Аси.

Впрочем, она не собиралась излишне драматизировать ситуацию. Согласившись прийти сюда, она сама подписалась на то, что получит. Глупо было бы, ей-богу, ожидать, что Женя приведёт её в царские хоромы!..

Тем временем вожатый воспрянул духом, оживился и захлопотал по хозяйству. Он разложил на одном из стульев газету, открыл консервы, нарезал хлеб. Хорошо, что необходимая посуда нашлась в тумбочке. Правда, шампанское пришлось наливать в чайные чашки, но это было даже пикантно.

Выпили молча, без всяких глупых и неуместных сейчас тостов. Затем он нерешительно потянулся к ней, чтобы поцеловать, не будучи уверенным в том, что она сейчас не залепит ему пощёчину – от этой своенравной девчонки всего можно было ожидать. Однако Ася так охотно и умело отвечала на его горячие поцелуи, что Женя моментально завёлся.

– Не боишься? – зачем-то спросил он, отрываясь на миг от её губ. Ася дёрнула плечом:

– Чего я должна бояться?

– Ну, в первый раз... это же обычно больно, – чувствуя неловкость, коряво пояснил он.

– А откуда вообще сведения, что ты у меня первый? – спокойно спросила Ася, словно окатив его ушатом ледяной воды. У Жени тут же испортилось настроение. И правда, с чего он так самоуверен? С какой стати решил, что непременно будет её первым мужчиной? С Аси и впрямь стало бы иметь за плечами богатый сексуальный опыт – во всяком случае, внешностью и решительностью бог её явно не обидел. «Дёрнул же чёрт связаться с этой малолетней сучкой...» – подумал он уныло, уже жалея, что всё это затеял. Сейчас бы просто нормально выпастись – одному, до самого утра, отдохнуть впервые за много ночей, не слыша храпа других вожатых...

Но в это время Ася спокойно встала, одним ловким и неуловимым движением расстегнула пуговички на рубашке, а другим – сбросила её с плеч. Женя тут же забыл обо всём на свете – так она была хороша. Ася реально вила из него верёвки, и если секунду назад он вообще готов был отказаться от затеи соблазнения, то теперь им овладела яростная решимость непременно трахнуть эту заносчивую и такую сексапильную нимфеточку. Он кинулся к ней, как одержимый, уже плохо контролируя себя, и повалил на постель...

Кровать немилосердно скрипела, словно грозя вот-вот развалиться под слившейся в страстном соитии парой. Этот скрип заглушал шумное дыхание Жени. Ася же хранила полное молчание. От начала акта до его бурного завершения прошло не более трёх минут. В момент кульминации Женя коротко всхлипнул, замер, а потом обрушился на Асю тяжёлым обмякшим кулем. Она же по-прежнему не проронила ни звука – и вообще никак не высказывала своего отношения к происходящему, словно её тело вовсе ей не принадлежало.

Немного отдышавшись, Женя перекатился на бок, чтобы взять с тумбочки сигареты, и тут вдруг заметил кровь на простыне.

– Так ты что, – поразился он, – всё-таки девственница?!

– А это имеет для тебя какое-то значение? – усмехнулась она. – Или теперь ты, как порядочный человек, чувствуешь себя обязанным на мне жениться?

– Володька меня прибьёт! – Женя тут же вскочил и засуетился, голый, нелепый и смешной. – Нужно срочно это дело застирать, чтобы он не заметил...

Она хотела сказать ему, что едва ли на фоне тотального свинства этой комнаты Володя обратит внимание на пару дополнительных грязных пятен, но сдержалась. В конце концов, если ему хочется возиться со стиркой – ради бога...

Торопливо натянув шорты, Женя помчался с простынёй наперевес во двор, к колонке. Ася присела на краешек стула и невозмутимо откусила кусочек яблока. Её и удивляло, и злило собственное равнодушие к произошедшей с ней перемене. Ведь у неё, как-никак, только что случился секс! Пусть короткий, торопливый и не доставивший ей ни капли удовольствия (впрочем, и особой боли тоже), но всё же настоящий секс с мужчиной!..

Вернувшись, Женя расстелил старое бельё, которое было на кровати до этого.

– Уф, я так устал... – пробормотал он, падая на кровать в полном бессилии, и глаза его реально закрывались сами собой. – Давай поспим хоть немного... хоть пару часиков, – выговорил он невнятно, уже проваливаясь в долгожданную дрему, – а утром я тебя провожу до лагеря... Хорошо?..

И, не дожидаясь ответа, уже через пару секунд он мирно и расслабленно засопел.

Ася не стала терпеть до утра. Дорогу она прекрасно помнила; в Гурзуфе ночами худобно, но горели фонари – в общем, до самого лагеря можно было дойти без проблем.

Однако требовалось ещё проникнуть на территорию Артека и благополучно добраться до своего корпуса по дороге, буквально окутанной мраком, сквозь густые заросли деревьев и кустарника. Казалось бы, какая опасность может подстергать человека в охраняемом детском лагере, пусть даже при полном отсутствии освещения? Но всё равно ночами по этому пути в одиночку не рисковали ходить даже здоровенные взрослые парни. Муссировались смутные слухи о том, что здесь случаются криминальные происшествия – в частности, в одной из бухт несколько лет назад нашли труп неизвестного мужчины. Кроме того, таинственным шёпотом передавались сплетни об изнасилованных девушках-вожатых, которые возвращались после планёрки поздно вечером к себе в общежитие.

До кучи сюда же приплетали истории о местном призраке. Поскольку в каждом уважающем себя детском лагере существовала своя фирменная страшилка – про Белую Монашку, Зелёные Пальцы, статуи Барабанщицы и Горниста, Повара-отравителя и так далее, то Артек, разумеется, не избежал этой участи. Легенда гласила, что ночью в лагере частенько появляется из ниоткуда загадочная женская фигура в белых одеждах, которые светятся в кромешной тьме, и бродит по аллеям, пугая случайных прохожих до полусмерти. Так, однажды эта дама в белом якобы чуть не довела до сердечного приступа артековскую повариху, вообще-то рассудительную и не склонную к панике тётку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.